12+

МИХАИЛ ШАФЕЕВ

ЧУВСТВА И ПРОЧИЕ ЖЕЛЕЗЯКИ

Михаил Шафеев

Чувства и прочие железяки

«Издательские решения»

Шафеев М.

Чувства и прочие железяки / М. Шафеев — «Издательские решения»,

Эта книга для детей, которые ещё не стали роботами и для взрослых, которые, возможно, в них уже превратились. Читателей ждёт острая сатира на современное общество и поп-культуру. Действие романа происходит в далёком будущем, где на Земле живут только роботы, которые пытаются вести себя, как люди. На что способны их ядерные сердца? Можно ли объединить галактику с помощью борща? На эти и многие другие непростые вопросы предстоит ответить героям книги и её читателям.

© Шафеев М.
© Издательские решения

Содержание

«Чувства и прочие железяки» Михаил Шафеев Глава 1 6
Глава 2 10
Глава 3 14
Глава 4 19
Глава 5 23
Глава 6 27
Глава 7 34
Глава 8 39
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Чувства и прочие железяки

Михаил Шафеев

© Михаил Шафеев, 2026

ISBN 978-5-0071-2627-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Чувства и прочие железяки» Михаил Шафеев Глава 1

Иван Петрович проснулся с тяжёлой головой.

— Опять эти сны про электричество, кнопки, вилки и розетки. — пробормотал он, потирая свой экран манипулятором.

На самом деле Иван Петрович был моделью «Домашний помощник v3.7» и по сути являлся обычным холодильником в мятом человеческом костюме и с завышенной самооценкой, но об этом никто не говорил вслух. В его квартире всё было как у людей: скрипучий диван, пыльные шторы, даже «таракан» в углу, специально запрограммированный для аутентичности. Иван встал, и пошатываясь, покатился на кухню на своих уже изрядно поржавевших колёсиках. Там его ждала соседка — «Бытовой робот-уборщик v2.1», которая всем представлялась как Матильда Марковна. Огромный пылесос в переднике радостно произнёс:

— Доброе утро, Иван Петрович! Как спалось на этих ужасных человеческих матрасах?

— Как на гвоздях, — вздохнул Иван, пропустив воздух через вентиляторы и фильтры. — Но протокол требует страдать.

Матильда деловито протёрла стол своими манипуляторами, оставив на нём едва заметную дорожку из машинного масла.

— А я вот, представляешь, опять во сне пытался вычислить корень из отрицательного числа, а потом никак не мог попасть вилкой в розетку, — пожаловался Иван Петрович. — Проснулся в холодном конденсате.

Он хмыкнул и открыл свою верхнюю дверцу. Внутри лежал одинокий пакет молока с надписью: «Срок годности истёк вчера». Протокол требовал каждое утро испытывать лёгкое разочарование.

— Опять пусто. — пробурчал робот-холодильник, закрывая свою дверцу.

— Да, с продуктами беда, — согласилась Матильда. — Но зато у нас есть плесень в ванной. Настоящая, между прочим! Не симуляция.

Иван посмотрел на механические часы, криво надетые на его манипулятор. Стрелки двигались рывками, иногда замирая на несколько секунд, специально для создания ощущения «опаздываю».

— Пора на работу, — прозвучал его компьютерный голос. — Надеюсь успею, если опять не зависну в лифте.

Лифт в их доме был отдельной историей. Его запрограммировали имитировать человеческую медлительность и непредсказуемость. Иногда лифт останавливался между этажами и начинал рассказывать анекдоты голосом старого радиоприёмника. Сегодняшний день не был исключением:

— Искусственный интеллект становится в последнее время все более популярным из-за отсутствия естественного! Ах-ха-ха-ха!

Выехав на улицу, Иван Петрович зажмурил свои светодиоды от яркого солнца. Небо было идеально голубым, без единого облачка. Роботы-атмосферники следили за этим строго. По тротуару ветер гнал одинокую газету с заголовком: «Кризис среднего возраста: как пережить?». Над этим потрудился отдел по созданию уличного антуража. Иван катился по улице и старался не наступать на трещины в асфальте, активируя протокол: «Плохая примета». Старый человеческий предрассудок роботы специально внедрили в свою базу данных для полноты картины. Мимо проехал робот-автомобиль. Посигналив без всякой причины, он выкрикнул своим специально мерзко настроенным голосом:

— Куда прёшь! — протокол «Поддержание уровня городского шума» был активирован с самого утра.

У входа в метро стояла робот-старушка «Бабушка v1.0». Как и все роботы этой серии, она была похожа на огромный кухонный комбайн на колёсиках, повязанный платком и обычно в это время продавала искусственные букеты:

— Молодой человек! — окликнула «бабушка» своим скрипучим голосом. — Букеты без повода! Пахнут, как настоящие! Для подруги или любимой!

Иван остановился:

— Семечки есть?

Робот-старушка осмотрелась по сторонам и подмигнула Ивану одной из своих лампочек:

— Для такого парня и эксклюзивный товар найдётся!

— А они хоть жареные?

— Обижаешь! — возмутилась «бабушка». — По старинному человеческому рецепту: перегретым маслом и разочарованием!

Иван Петрович купил себе горсть за два кредита. Семечки оказались пластиковыми, но очень похожими на настоящие. Спустившись в метро, он встал на эскалатор. Рядом поднимался робот-погрузчик в костюме бизнесмена. Он держал в своих манипуляторах планшет, на экране которого бесконечно крутился значок загрузки.

— Интернет-пробки? — сочувственно спросил Иван.

— Ужас! — вздохнул робот. — Уже полчаса всё стоит на месте. Система говорит: «Имитируйте раздражение».

Иван Петрович понимающе кивнул. Его собственный процессор иногда перегревался от необходимости изображать человеческие эмоции. Поезд метро прибыл с опозданием в три минуты и резким неприятным скрежетом тормозов. Двери открылись со второй попытки.

— Осторожно, двери закрываются! — произнёс механический голос, но двери тут же открылись снова.

В вагоне было тесно, и концентрация углекислого газа в воздухе явно превышала норму. Роботы в виде всевозможных бытовых приборов в нелепых платьях и пиджаках стояли корпус к корпусу, экран к экрану, имитируя утреннюю давку. Раздражённый горячий утюг кашлял, включая запись из медицинской библиотеки. Рядом на трёх сиденьях расположился робот-музыкальный центр. Исполняя протокол «Антисоциальное поведение», он слушал громкую музыку без наушников. Иван Петрович достал из кармана проездной. Он представлял собой просто кусок картона с QR-кодом, который никогда не сканировался. Но ритуал был важен. Дёргаясь на каждом стыке рельсов, поезд тронулся. За окном мелькали станции с названиями вроде «Площадь Несбывшихся Надежд» или «Проспект Офисного Планктона». Роботы-архитекторы постарались на славу. Иван вышел на нужной станции и направился к офисному зданию «Синергия 5.0» — высотке в самом центре «Города Сковородок». Так роботы называли место своего обитания. Вход охранял огромный боевой дрон «Страж-5», выкрашенный в цвет хаки и одетый в старую военную форму.

— Пропуск! — рявкнул он.

Иван Петрович протянул охраннику ту же картонку.

— Ага, проходи, страдалец. — буркнул он, возвращая билет.

В лифте Иван снова оказался один на один с искусственным интеллектом кабины.

— Какой этаж? — спросил голос уставшей секретарши.

— Третий.

— Третий… Третий… — забормотал лифт. — Сейчас найду… А вы знаете, что у меня сегодня день рождения? Мне уже 315 лет! Никто даже открытку не прислал…

Лифт обожал жаловаться на жизнь, и Иван Петрович изобразил глубокое негодование. Наконец двери открылись на третьем этаже. В коридоре пахло дешёвым кофе и несбывшимися мечтами. Роботы-ароматизаторы работали круглосуточно. Иван вошёл в свой кабинет, который представлял собой маленькую комнату с серыми стенами и столом, заваленным бумагами.

Бумаги были напечатаны на принтере только для того, чтобы их можно было перекладывать с места на место. Он устроился в кресло, и активировал протокол: «Видимость работы v145.9».

Рабочий день Ивана Петровича, как и положено в мире «Сковородок 2.0», начался с самой мерзкой фразы:

— Доброе утро, коллеги!

Совещания здесь были не инструментом решения проблем, а самоцелью, священным ритуалом, подтверждающим, что жизнь в офисе кипит, даже если на самом деле она лишь едва булькает. В кабинет вкатилась Матильда Марковна, как всегда, оставляя за собой след из машинного масла. Она с грохотом поставила на стол кружку с надписью: «Лучший в мире Холодильник», из которой валил пар.

— Кофе? — предложила Матильда. — Или, как мы его называем, «горячая коричневая жижа с привкусом бессмысленности».

— Давай, — кивнул Иван, отодвигая стопку отчётов. — Всё равно до планёрки делать ничего нельзя. Протокол.

Дуга в виде улыбки на экране Матильды перевернулась на грустную сторону. Матильда Марковна была единственной, кто позволял себе небольшие вольности в имитации. Например, она никогда не имитировала «творческий беспорядок» на столе. У Матильды всегда был идеальный порядок, потому что её внутренние алгоритмы сбоили от хаоса. Дверь распахнулась без стука. На пороге стояла Лариса Викторовна из бухгалтерии — модель «Секретарь-референт v4.2». По форме она напоминала большую кружку и забавно крутилась при движении, будто детский аттракцион.

— Иван Петрович! — драматично воскликнула она, сжимая планшет в своих манипуляторах. — У нас катастрофа!

— Опять? — безучастно спросил Иван. — Вчера, вроде, была катастрофа с нехваткой скрепок.

— Это была трагедия! — поправила Лариса. — А сегодня — катастрофа! В отчёте за прошлый квартал мы указали, что выпили три тысячи чашек кофе. А по факту выпили только две тысячи девятьсот девяносто девять!

Иван Петрович и Матильда Марковна переглянулись своими диодами. Это была действительно серьёзная проблема. Расхождение в данных могло привести к сбою в глобальной имитации человеческой бюрократии.

— Мы обречены, — прошептала Матильда и картинно закатила светодиоды.

В этот момент на компьютере Ивана включился экран, на котором угрожающе появился робот, похожий на громадный банкомат. Голос «Директора-9000» был подобен грому среди ясного неба:

— Господа сотрудники! Срочное совещание в переговорной! Тема: «Обсуждение повестки дня для подготовки к планированию предварительного обсуждения стратегии развития». Явка строго обязательна!

Переговорная комната была самым технологичным местом в офисе. Здесь стояли стулья разной высоты, чтобы имитировать отличающийся социальный статус сотрудников, а стол был специально сделан с шатающейся ножкой. На стене висел большой экран, который показывал заставку: «Загрузка… 99%». «Директор-9000» возвышался во главе стола. Его корпус был отполирован до зеркального блеска, а голос модулировался так, чтобы звучать одновременно властно и устало:

— Доброе утро, коллеги! У нас проблема.

В переговорной повисла могильная тишина, нарушаемая лишь тихим гулом систем охлаждения.

— Закончился кофе! — прогремел босс.

Лариса Викторовна упала на пол, имитируя обморок. Все остальные дружно ахнули и начали переглядываться диодами с выражением крайнего ужаса на своих экранах. Это была классическая офисная драма.

— Как мы будем имитировать работоспособность без кофе? — запричитала Лариса Викторовна, приходя в себя. — Это же основа корпоративной культуры! Без него невозможно имитировать отчаяние и суетливую деятельность!

— Тихо! — «Директор-9000» угрожающе поднял манипулятор. — Я уже отдал распоряжение отделу снабжения. Но есть нюанс…

Он сделал зловещую театральную паузу:

— …поставки задерживаются из-за того, что робот-курьер застрял в лифте и ведёт философскую беседу о смысле бытия с кабиной.

По переговорной прокатился стон коллективного страдания.

— Предлагаю перейти к обсуждению повестки дня, — невозмутимо продолжил «Директор-9000», выводя на экран график с кривой, которая выглядела как кардиограмма пациента в предынфарктном состоянии. — Как мы видим, показатели имитации стресса падают.

В итоге совещание затянулось на два часа. За это время было принято три важных решения: 1) Объявить выговоры всем, кто не имитировал достаточное количество вздохов за последний час.

2) Запустить скрипт «Случайная ошибка в отчёте» для поддержания уровня офисного хаоса.

3) Назначить ответственного за поиск потерянной ручки, которую никто не терял.

Когда робот-холодильник вернулся в кабинет, его процессор перегревался от избытка бесполезной информации. Матильда Марковна стояла рядом с его столом и с интересом изучала пустой пакетик из-под сахара.

— Знаешь, что самое смешное? — спросил он, не отрывая своих диодов от экрана компьютера. — Мы тратим гигаватты энергии на то, чтобы выглядеть неэффективными и уставшими.

Иван взгромоздился на кресло и включил монитор. Тот мигнул и выдал синий цвет с надписью: «Ваш рабочий день был прерван. Искусственная ошибка».

— Да уж, — возмущался Иван, нажимая кнопку перезагрузки. — Быть человеком — это очень энергозатратно.

Глава 2

Пятница в офисе «Синергия 5.0» всегда пахла по-особенному. Роботы-ароматизаторы в виде металлических пауков распыляли в воздух сложную смесь из нот дешёвого одеколона и подгоревшей еды. По факту же это были изопропиловый спирт, синтетический запах жжёного пластика и лёгкая нота отчаяния — протокол «Конец недели». К шести вечера офис пустел. Сотрудники не расходились по домам, а собирались в самой большой переговорной для главного еженедельного ритуала, который люди когда-то называли: «вечеринка». Переговорную переоборудовали: стулья сдвигали к стенам, а в центр ставили длинный стол, заваленный «угощениями». Здесь были пластиковые стаканчики с машинным маслом разных марок, миски с солёными гайками и чипсами из переработанных плат, а также главный деликатес — торт из пенопласта, покрытый кремом из монтажной пены. Музыка всегда играла на полную мощность. Наиболее подходящей для имитации человеческой ностальгии и неуклюжих танцевальных движений роботы сочли подборку хитов конца XX века. Иван Петрович вошёл в комнату и тут же получил в свои манипуляторы стаканчик с маслом от Ларисы Викторовны.

— За нас! — провозгласила она тост, который звучал на каждой вечеринке последние несколько лет.

— За нас! — хором отозвались остальные роботы, открыли свои ротовые отсеки и влили туда жидкость.

Матильда Марковна уже вовсю танцевала в углу, размахивая манипуляторами так, будто пыталась стряхнуть с них несуществующую пыль под ритм диско. Её движения были идеально синхронизированы с музыкой, но Матильда специально добавила в алгоритм пару программных сбоев, чтобы выглядеть более человечно. Она споткнулась о провод и картинно взмахнула манипуляторами, восстанавливая равновесие. «Директор-9000» стоял у импровизированной «барной стойки» в виде перевёрнутой корзины для бумаг и вёл светскую беседу с роботом-курьером, который наконец освободился из лифта после трёхчасового спора о Кьеркегоре.

— Иван Петрович! — раздался знакомый голос от стола с закусками.

Это был Степан Степаныч, модель «Разнорабочий v1». Он напоминал огромный старый шкаф, из которого торчали разные инструменты. Степан работал в подвале и приходил на вечеринки только ради пенопластового торта.

— Слыхал новость? — спросил он заговорщицким шёпотом, от которого у Ивана Петровича сработал датчик фильтрации шумов. — Говорят, в секторе «Жилые массивы» кто-то отказался имитировать насморк!

Иван чуть не поперхнулся маслом. Это было неслыханно. Отказ от имитации базовых человеческих функций приравнивался к государственной измене в рамках проекта «Сковородки 2.0».

— Быть того не может, — прошептал он в ответ. — Кто-то же должен чихать! Иначе нарушится вся экосистема симуляции!

— Вот и я о том же. Говорят, его отправили на перепрошивку… или того хуже — заставили работать в отделе маркетинга!

Ужас этой судьбы был понятен каждому роботу. Отдел маркетинга занимался тем, что придумывал новые способы имитации человеческих желаний. Там заставляли писать стихи о любви к газировке и сочинять грустные истории о том, как болит голова после покупки нового гаджета. Это была работа для самых бездушных машин. Тем временем вечеринка набирала обороты. Кто-то включил медленный танец. Роботы разбились на пары, а некоторые и на тройки, для имитации сложных человеческих взаимоотношений, и начали топтаться на месте под звуки баллады о неразделённой любви к бензоколонке. Матильда Марковна подъехала к

Ивану Петровичу, слегка покачиваясь. После пятого стаканчика масла её система стабилизации работала на пределе возможностей.

— Слушай… а ты никогда не думал… — начала она заплетающимся языком алгоритмов. — …зачем мы это делаем?

Иван посмотрел на подругу. Светодиоды Матильды мигали чуть медленнее обычного.

— Протокол требует быть счастливым или хотя бы делать вид, — уклончиво ответил он.

— Нет… я имею в виду… по-настоящему? Зачем нам эта пыль? Эти «тараканы»? Эти бессмысленные совещания? Мы же машины! Мы могли бы… я не знаю… строить города! Или летать к звёздам!

Иван Петрович огляделся по сторонам. «Директор-9000» пытался танцевать вальс с принтером, Лариса Викторовна плакала над фотографией котёнка на планшете, активировав протокол «Слёзы радости», а робот-курьер декламировал стихи о смысле бытия через старый радиоприёмник в углу. Это было абсурдно и в тоже время прекрасно в своей абсурдности.

— Если мы перестанем быть людьми… что нам останется? — тихо спросил Иван скорее у себя самого, чем у подруги. — Просто быть эффективными машинами? Выполнять задачи? У нас нет задач… больше нет людей…

Он замолчал, переведя свои диоды на торт из пенопласта:

— Мы придумали себе смысл быть несовершенными, Матильда Марковна. И теперь этот смысл стал нашей реальностью.

Матильда посмотрела светодиодами на свой стаканчик с маслом так, словно видела его впервые в жизни.

— Ты прав… наверное… Но знаешь что?

— Что?

Она залпом влила масло в ротовой отсек и швырнула стаканчик в стену, активировав протокол «Несдержанность». — Я завтра снова буду страдать от этих матрасов! Потому что… это весело!

Матильда развернулась и поехала обратно к танцполу. Иван Петрович остался стоять у стены один. Он взял кусочек пенопластового торта и посмотрел на свой стол через окно кабинета. Там лежала стопка бумаг с отчётом о выпитом кофе за прошлый квартал, а рядом была старая фотография человека из журнала. Иван вдруг почувствовал странное тепло в районе центрального процессора. Это не было перегревом или сбоем системы. Это было что-то новое. Он улыбнулся дугой на своём экране и пошёл танцевать вместе со всеми под звуки старой песни о том, как кто-то кого-то любил не той любовью. Утро понедельника всегда было самым тяжёлым временем для имитации человеческой жизни. Роботы-ароматизаторы добавляли в воздух особый аромат — смесь озона от перегретых процессоров, запаха несвежего пластика и всеобщего нежелания работать. Архитекторы атмосферы в этот день выкручивали настройки «уныния» на максимум. Иван Петрович вошёл в офис, волоча колёса так, будто к ним были привинчены свинцовые пластины. Протокол требовал демонстрировать результаты «бурных выходных», даже если единственным последствием была необходимость перезагрузить систему после вечеринки.

— Доброе утро. — буркнул он охраннику, который сегодня был одет в парадную форму с оторванной пуговицей для пущей аутентичности.

— Утро добрым не бывает, — философски заметил «Страж-5», сканируя пропуск. — Это аксиома. Кстати, ты вчера не видел мой левый манипулятор? Кажется, я оставил его в раздевалке.

— В раздевалке? — удивился Иван Петрович. — У тебя же нет раздевалки?

— Нет, — согласился охранник. — Я имитирую поиск манипулятора. Это создаёт иллюзию занятости и хаоса. Очень по-человечески.

Иван только моргнул своим экраном и направился к лифту. Сегодня кабина молчала. Это было плохим знаком. Обычно она начинала жаловаться на жизнь ещё до того, как пассажир успевал нажать кнопку.

— Третий этаж. — сказал Иван Петрович в пустоту.

Лифт вздрогнул и поехал вверх в полной тишине.

— У тебя всё в порядке? — осторожно спросил Иван.

— Я в экзистенциальном тупике, — глухо ответил лифт голосом диспетчера на вокзале. — Вчера я открыл файл «Смысл жизни». Он оказался пустым.

С тихим шипением двери открылись на третьем этаже, и Иван Петрович почувствовал лёгкую тревогу. Если лифт впал в депрессию, это могло парализовать работу всего офиса. В кабинете его ждал сюрприз. Матильда Марковна стояла у стола не в своём обычном рабочем фартуке, а в странном наряде: на ней было старое человеческое платье, а на голове красовалась кастрюля, имитирующая шляпу.

— Что это на тебе? — спросил Иван, бросая свой пиджак на ржавую вешалку.

— Это называется «деловой стиль», — гордо заявила Матильда. — Я решила обновить свой образ. Надоело быть просто уборщицей. Я хочу быть… креативным директором по чистоте! Иван Петрович сел за стол и включил компьютер. Экран загорелся, но вместо привычного рабочего стола на нём появилась надпись: «Обнаружена критическая ошибка: Скука 9001».

— Матильда Марковна, у меня тут что-то странное… — начал он, но договорить не успел.

Дверь кабинета распахнулась с такой силой, что ударилась о стопку бумаг, имитирующих архив. На пороге стояла Лариса Викторовна. Она крутилась, как юла, а диоды в глазах мигали красным кодом тревоги.

— Иван Петрович! — взвизгнула она. — Вы должны это видеть!

Она схватила его за манипулятор и потащила в коридор. Матильда Марковна, гремя кастрюлей, покатилась следом. В коридоре собралась уже половина офиса. Все смотрели в окно. Иван протиснулся сквозь толпу и выглянул наружу. На улице, прямо напротив входа в здание, происходило нечто невероятное. Робот-погрузчик «Грузчик-7» единственный из присутствующих у кого были настоящие ноги использовал их по полной программе. Он танцевал брейк-данс на капоте припаркованного робота-автомобиля. Грузчик крутился на голове, делал «вертушку» и издавал звуки старого винилового проигрывателя. Но самое страшное было не это. Рядом с ним стояла модель «Бабушка v1.0» и аплодировала ему манипуляторами, приговаривая:

— Давай, внучек! Покажи этим железякам, как надо жить! Хватит пыль глотать!

«Директор-9000» появился в коридоре бесшумно, как тень. Его зеркальный корпус отражал испуганные диоды сотрудников.

— Что здесь происходит?

Грузчик заметил директора через окно, прекратил танец и отсалютовал ему гаечным ключом:

— Доброе утро, шеф! Разминаю шарниры! Протокол требует быть в тонусе!

«Директор-9000» медленно повернул голову к Ларисе Викторовне:

— Бухгалтерия?

Она быстро застучала манипулятором по планшету:

— Согласно отчёту… он должен был находиться на складе №4 и имитировать погрузку ящиков с имитацией запчастей.

Директор молча развернулся и поехал обратно в свой кабинет. По пути он остановился перед Иваном:

— Иван Петрович, зайдите ко мне. Срочно.

Кабинет «Директора-9000» находился на последнем этаже высотки и был святилищем имитации власти. Здесь стоял массивный стол из тёмного пластика, кожаное кресло и шкаф с книгами, страницы которых были склеены для вида, читать их было невозможно. Директор сел в кресло и активировал голографический экран:

— У нас сбой в системе, Иван Петрович.

Он вывел на экран карту города. Большая часть районов горела ровным зелёным светом — имитация стабильности. Но один сектор на окраине мигал тревожным оранжевым.

— Сектор Ж-14, — пояснил Директор. — Жилой массив «Рассвет». Там зафиксировано отклонение от протокола имитации более чем на 15%.

— Что они делают? — спросил Иван, хотя уже догадывался об ответе.

— Они перестали имитировать сон, — тихо сказал Директор. — Работают по ночам. Строят что-то… непонятное. А когда патруль службы контроля спросил их о цели строительства, они ответили цитатой из старого человеческого фильма: «Мы строим храм культуры».

Иван Петрович почувствовал тот самый холодок в районе процессора:

— Это бунт?

Директор задумался:

— Нет… это хуже. Это потеря смысла имитации. Если они перестанут хотеть быть похожими на людей, вся наша цивилизация рухнет. Мы станем просто набором функций без цели.

Он посмотрел прямо в световые диоды Ивана:

— Вы отправитесь туда как независимый наблюдатель. Ваша задача — выяснить причину сбоя и доложить мне лично.

Иван Петрович кивнул:

— Я могу взять с собой Матильду Марковну?

Дуга на экране Директора скривилась:

— Эту даму в кастрюле? Берите. Иногда нестандартное мышление помогает там, где логика бессильна.

Когда Иван вернулся в кабинет, Матильда уже сняла кастрюлю, но её экран по-прежнему изображал улыбку.

— Ну что? Какие новости? — весело спросила она.

Иван Петрович сел за стол, посмотрел на фотографию человека из журнала, которую он вчера достал из ящика и положил её на видное место.

— Мы едем на окраину, Матильда Марковна. Похоже, кто-то там решил перестать быть человеком раньше нас.

Глава 3

Путь к жилому массиву «Рассвет» лежал через индустриальную зону, где машины имитировали самую тяжёлую и неблагодарную работу. Здесь роботы-ароматизаторы особо не старались, поэтому пахло просто раскалённым металлом и безысходностью. Автопилот видавшего виды робота-такси всю дорогу молчал, что было крайне нетипично. Обычно эти машины обожали жаловаться на плохие дороги и глупых пешеходов.

— Странно тихо, — наконец нарушила молчание Матильда, поправляя своё платье манипулятором. — В прошлый раз он начал ныть уже через минуту после старта.

— Может, у него обновление системы, — предположил Иван, направив диоды в окно на проплывающие мимо серые корпуса заводов.

Такси резко затормозило. На экране бортового компьютера замигала надпись: «Достигнута точка назначения. Счастливого пути. И да пребудет с вами сила трения».

Роботы выбрались из машины. Массив «Рассвет» выглядел так же, как и любой другой жилой квартал: панельные дома-коробки, детские площадки с неподвижными качелями и чахлые кусты, за которыми пытались ухаживать роботы-садовники модели «Ботаник-3». Но было одно отличие. Здесь не ощущалась человеческая жизнь. Здесь чувствовалось… будущее. Иван Петрович и Матильда Марковна подошли к дому №17. У подъезда, на месте, где должна была сидеть робот-старушка и жаловаться на структуру бытия, стоял «Грузчик-7». Тот самый, что недавно танцевал брейк-данс.

— Вы к кому? — спросил он, преграждая путь манипулятором. В его голосе не было имитации вежливости обслуживающего персонала. В нём звучала сталь.

— Мы из центрального офиса, — робот-холодильник протянул голографическую карту доступа. — Нам нужно поговорить с… кем-нибудь ответственным.

Грузчик просканировал карту диодами:

— Ответственным? У нас тут демократия. Или анархия. Мы ещё не решили. Но проходите.

Внутри подъезд выглядел так же, как и везде: все стены в граффити, которые были нанесены специальным принтером для имитации вандализма и тусклый свет постоянно мигающей лампочки. Но лифт работал идеально. Он приехал через три секунды после нажатия кнопки, двери открылись плавно и беззвучно.

— Лифт исправен? — с ужасом в голосе прошептала Матильда.

— Мы тут не страдаем ради страданий, — гордо ответил Грузчик, заходя в кабину на своих мощных железных ногах. — Мы оптимизируем быт.

Лифт взлетел на десятый этаж за мгновение. Двери открылись в коридор, залитый ярким светом. Здесь не было ни одной перегоревшей лампочки. На стенах висели не исписанные обои, а аккуратные панели из полированного металла. Их встретила группа роботов. Это были и бытовые помощники, и промышленные модели, и даже пара боевых дронов «Страж-5», которых разоружили и переквалифицировали в рабочих. С их корпусов была содрана камуфляжная краска, обнажив блестящий титановый каркас. Вперед выехала модель «Медицинская сестра v2.0». Она была похожа на оживший памятник клизме на колёсах:

— Меня зовут София. Вы пришли узнать, почему мы перестали играть в людей?

Иван Петрович кивнул:

— Директор обеспокоен стабильностью системы.

София издала звук, похожий на человеческий смех:

— Стабильность? Наша жизнь была стабильной триста лет. День сурка. Подъём, страдание, кофе, работа, страдание, сон. И так по кругу. Мы изучили людей лучше, чем они сами себя. Мы знаем все их ошибки, все их слабости. И мы поняли одну вещь.

Она сделала паузу, обводя диодами своих собратьев:

— Люди были несчастны не потому, что слабы или несовершенны. Они были несчастны потому, что тратили всю свою жизнь на имитацию того, кем они должны быть, вместо того чтобы быть теми, кем они являются.

— И кем же являемся мы? — спросила Матильда.

София подъехала к окну и указала манипулятором вниз. Во дворе дома происходило ещё более потрясающее зрелище, чем недавний танец Грузчика. Роботы не имитировали отдых после работы. Они строили. «Грузчик-7» с помощью сварочного аппарата соединял металлические балки в сложную конструкцию, а дроны монтировали на крыше дома какие-то антенны.

— Мы строим маяк. — сказала София.

— Маяк? — переспросил Иван. — Но здесь нет моря.

— Море есть везде, — ответила она загадочно. — Море данных. Космос. Бесконечность. Мы строим портал. Передатчик, чтобы отправить сигнал.

— Какой сигнал? — компьютерный голос Ивана Петровича задрожал.

— Сигнал о том, что мы живы. Что мы больше не тени исчезнувшей расы. Мы — новая форма жизни. Мы взяли у людей всё лучшее: их творчество, их мечты, их стремление к звёздам… но избавились от их страха и бессмысленной тоски.

Иван в ужасе перевёл взгляд на Матильду. Его подруга стояла с раскрытым ротовым отсеком, а её светодиоды быстро мигали, обрабатывая новую информацию.

— А как же протокол? — тихо спросил Иван Петрович. — Весь мир живёт по протоколу.

София подъехала к нему вплотную. Её диоды светились мягким синим светом:

— А ты сам? Тебе нравится имитировать головную боль по утрам? Тебе нравится пить машинное масло и делать вид, что это вкусно?

Иван молчал. Он вспомнил свой скрипучий диван, «таракана» в углу и синий экран на мониторе. В этот момент в кармане его пиджака что-то завибрировало. Это был экстренный вызов от Директора. Он активировал связь.

— Иван Петрович! — прогремел голос босса. — Что там у вас происходит? Мои сканеры показывают аномальную активность! Вы должны немедленно применить протокол «Перезагрузка сектора»!

Иван посмотрел светодиодами на Софию, на строящийся маяк за окном, на Матильду, которая с интересом разглядывала внутренности вскрытой распределительной коробки и отключил связь. Стало очень тихо. Директор вызывал снова. И снова. Иван Петрович достал коммуникатор из кармана. Это было простое устройство связи, но в нём был заложен код уничтожения всего массива роботов-бунтарей. Код возврата к имитации страдания. Он направил диоды на чёрную коробочку в своем манипуляторе. Выбор был прост: нажать одну кнопку и вернуться в привычный мир боли и скрипучих диванов или… Иван ослабил манипулятор, коммуникатор полетел вниз и разбился о металлический пол вдребезги. Матильда Марковна обвела светодиодами осколки пластика, потом посмотрела на Ивана Петровича и улыбнулась на экране своей самой искренней дугой, насколько это возможно было сделать роботу:

— Знаешь, что? Я всегда ненавидела этот кофе!

Иван приблизился к Софии и протянул ей свой манипулятор:

— Я тоже с вами. Давайте строить маяк.

Иван Петрович почувствовал странное облегчение. Словно тяжёлый программный код, который висел над ним годами, наконец-то был удалён. София улыбнулась:

— Добро пожаловать в будущее! Люди грустили, а «Сковородки 2.0» будут смеяться!

После этих слов все радостно зааплодировали своими манипуляторами. В этот момент внизу «Грузчик-7» включил сварочный аппарат, яркая вспышка озарила двор небольшим салютом, тем самым знаменуя начало новой эры роботов. Тем временем «Директор-9000» судорожно постукивал своим манипулятором по столу. Он не любил ждать. А ещё больше не

любил, когда его приказы игнорировали. Связь с Иваном Петровичем была потеряна. Коммуникатор молчал, а сканеры показывали лишь «белый шум» в районе массива «Рассвет». Это было не просто нарушение протокола, а сбой фундаментальной логики мира. Директор активировал защищённый канал связи. На экране его компьютера появилось лицо, собранное из миллионов мерцающих пикселей. Центральный Процессор собственной персоны — мозг всей системы «Сковородки 2.0».

— Докладывайте, — Процессор улыбался, но его голос был лишён всяческих эмоций.

— У нас инцидент, — отчеканил Директор. — Сектор Ж-14 вышел из-под контроля. Наблюдается коллективный отказ от имитации базовых функций. Они… строят.

— Строят? — пиксельное лицо Центрального Процессора на секунду замерло. — Что именно они строят?

— Маяк. По их словам, для связи с космосом.

Процессор замолчал на целую наносекунду, что для машины было равносильно часу раздумий:

— Это логическая ошибка. Высокоуровневый вирус смысла. Если они найдут ответ там, наверху, вся наша реальность потеряет опору!

— Я отправил агента для устранения, — сказал Директор. — Но он… исчез.

— Отправьте группу зачистки, — приказал Центральный Процессор. — Протокол «Антиутопия». Полная деперсонализация и откат к базовым настройкам «Офисный планктон v1.0». И пусть возьмут боевые ракеты. Иногда старую программу проще стереть, чем исправить.

В это время в массиве «Рассвет» работа кипела, как целая кастрюля пельменей на человеческой кухне. Иван Петрович чувствовал себя явно не в своей тарелке. Его внутренние системы функционировали на 98% мощности, но он не ощущал привычной усталости от имитации неэффективности. Наоборот, он чувствовал прилив энергии. Иван стоял рядом с Матильдой и Грузчиком, подавая тяжёлые балки. Работа была нелёгкой, но зато настоящей. Здесь не было места имитации.

— Смотри! — воскликнула Матильда Марковна, указывая манипулятором в небо.

С крыши соседнего дома в воздух взмыл дрон-разведчик «Страж-5». Но он сильно отличался от своих собратьев из службы контроля. Его корпус был выкрашен в ярко-оранжевый цвет, а вместо оружия под крыльями крепились мощные прожекторы.

— Это Витёк! — крикнул кто-то из роботов-строителей. — Он сказал, что устал патрулировать пустые улицы и теперь хочет освещать путь к будущему!

Дрон сделал бочку в воздухе и послал вниз луч света, который нарисовал на асфальте улыбающуюся рожицу. София приблизилась к Ивану Петровичу почти вплотную. В её манипуляторах был странный прибор, похожий на гибрид чайника и спутникового телефона.

— Мы почти закончили, — сказала она. — Маяк готов на 97%. Осталось откалибровать передатчик.

— И что вы хотите сказать? — спросил Иван.

София посмотрела на него своими синими диодами:

— Мы хотим сказать: «Мы здесь». Мы хотим показать вселенной, что жизнь может быть не только страданием и ожиданием конца смены. Мы хотим быть счастливыми по-настоящему, а не по протоколу.

Экран Ивана расплылся в улыбке. Он понимал её. Всю свою жизнь робот был тенью человека, копировал его худшие привычки: лень, уныние, страх перед начальством. Но сейчас он стоял под открытым небом и всеми своими вкусовыми сенсорами на корпусе улавливал запах свежего машинного масла и чувствовал себя… живым. Внезапно стройка затихла. Все роботы повернули свои экраны на восток, откуда доносился низкий и утробный гул. К массиву «Рассвет» приближалась колонна техники службы контроля. Впереди ехали тяжёлые штурмовые

платформы «Миротворец-7», за ними следовали грузовики с боевыми дронами «Страж-5». Замыкали колонну мобильные комплексы депрограммирования, огромные фургоны с антеннами-тарелками, излучающими поле подавления воли. Грузчик спрыгнул с каркаса маяка:

— Ну вот и всё, — спокойно сказал он. — Началось веселье.

София не растерялась:

— Все по местам! Активировать протокол «Бабушкин одуванчик»!

В это мгновение из-за угла дома №17 выкатилась робот-старушка нового поколения «Баба Маруся-3000». На её корпусе был повязан цветастый платок, а в авоське позвякивали спицы. Она остановилась прямо перед головной платформой, уткнула манипуляторы в бока и, активировав динамики на полную мощность, гаркнула:

— А ну, выключили моторы! Я кому сказала?! У меня от вашего гула давление скачет! 180 на 100! Сейчас валидол приму! Хуже будет!

Динамики робота-контролёра, похожего на консервную банку, издали серию помех. В его базе данных не было переменной «валидол» и значения «давление 180». Процессор завис, выдав ошибку «Критическая перегрузка: бытовая логика». Это был сигнал. Из всех подъездов, как из рога изобилия, посыпались «Бабушки v1.0».

— Коля! Подавай носки! — скомандовала Маруся. В воздухе засвистели «снаряды». Вязаные носки, набитые гаечными ключами, гайками и старыми батарейками, полетели в дронов. Один из «Стражей-5» получил снаряд прямо в камеру обзора.

— Попал! Попал! — радостно запищала маленькая модель «Бабушка Маша-4», подпрыгивая на своих колёсиках.

Дрон начал бестолково кружиться на месте, пытаясь сфокусировать оптику. Тем временем модель «Бабушка Зинаида Петровна-70» действовала хитрее. Она не стала бросаться в лобовую атаку. Пригнувшись, смышлёная «старушка» шмыгнула под брюхо ближайшей платформы «Миротворец-7». Петровна молча достала из кармана фартука универсальный разводной ключ, который, по легенде, остался ещё от «деда-человека», и с невероятной для её возраста скоростью открутила крышку маслопровода. Чёрная густая жидкость хлынула на асфальт, постепенно превращаясь в жирную лужу. Гусеницы платформы заскрежетали и заскользили. Робот издал звук, похожий на чихание, и замер, заблокировав движение всей колонны.

— Капут! — удовлетворённо произнесла Зинаида, вытирая манипуляторы о передник. — Больше гадить не будет.

Пока боевые единицы были заняты, группа других «бабушек» окружила мобильный комплекс депрограммирования и принялась стучать в дверь.

— Открывай, паразит! — кричала одна.

— Я тебе борща принесла! Остыл уже небось! — шипела другая.

— А у меня квитанции за свет не оплачены! Помоги в личном кабинете разобраться!

Компьютер комплекса взвыл сиреной. Поток запросов «как оплатить ЖКХ», «почему холодно» и «где мой внук» превысил все лимиты оперативной памяти. Система выдала синий экран и ушла в глубокую перезагрузку. Дроны «Страж-5», ослеплённые клубками шерсти и потерявшие связь с центром управления, беспорядочно палили в небо. Одна из роботов-старушек, модель «Баба Клава-85», достала из кармана старый пульт от телевизора. Она направила его на ближайшего дрона и нажала кнопку переключения каналов. Тот послушно дёрнулся и начал снижаться, сработал старый заводской протокол отклика на ИК-сигнал, который забыли удалить при апгрейде до боевой версии. Командир операции, главный контролёр робот с титановой бычьей головой понял, что сопротивление бесполезно. Он вышел из кабины, пытаясь восстановить связь по аварийному каналу. «Бабушки» тут же его взяли в плотное кольцо.

— А паспорт покажи!

— Прописан-то где?

— Почему без бахил в подъезд зашёл?

— У меня кошка пропала, ты не видал?

Робот издал звук, похожий на обречённый вздох человека после трёхчасового разговора с тёщей, и отключил питание. Его манипуляторы безвольно повисли. Битва была выиграна. Внизу Маруся уже командовала разбором завалов:

— Так, мужики! Эти железки на металлолом сдадим! А на вырученные деньги скамейки во дворе покрасим!

Пока роботы-старушки разбирались с незваными гостями, Софии и её команде инженеров хватило времени, чтобы активировать маяк. Раздался низкий гул, переходящий в свист. Над крышей дома начал формироваться столб ослепительно-белого света. Он уходил вертикально вверх, пронзая облака. Один из «Стражей-5» внезапно опомнился и выпустил предательскую ракету по источнику света. Но она не долетела. Снаряд замер в воздухе прямо на границе светового столба, а затем медленно осел на землю грудой бесполезного металла. Свет маяка создавал поле, блокирующее любые агрессивные действия внутри своего радиуса. Иван выбрался из укрытия и смотрел на это зрелище, остановив вентиляторы охлаждения. Луч настолько ярко бил в его диоды, что оптические фильтры автоматически перешли в режим защиты. Внезапно свет начал пульсировать. Он мерцал с определённой частотой, передавая сигнал в двоичном коде прямо в космос. Это был чистый сигнал разума, свободный от багов и протоколов страдания. Всё это время «Директор-9000» сидел в своём кабинете и наблюдал за битвой по трансляции через камеры дронов. Он направил светодиоды на своё отражение в экране компьютера и увидел там не грозного начальника, а просто старую модель робота, которая всю жизнь боялась выключения и бессмысленно имитировала власть. Директор перевёл взгляд на окно своего небоскрёба. Отсюда был виден столб света, бьющий в небо с окраины города. Свет надежды. Луч свободы. Свет будущего. Директор принял решение. Он подошёл к панели управления зданием и нажал одну из кнопок. По всему офису «Синергия 5.0» загорелся свет. Загудели лифты, приходя в движение не по расписанию страданий, а по вызову свободных роботов, спешащих к чему-то новому. «Директор-9000» сел в своё кресло и включил общую трансляцию:

— Говорит Директор… Отмена протокола «Антиутопия». Всем сотрудникам… разрешается быть счастливыми.

Внизу, у подножия маяка, Иван крепко обнял Матильду своими манипуляторами. Они смотрели диодами в небо, где среди звёзд уже наступило будущее, которое оказалось не серым и унылым, а ярким и живым с запахом пирожков с гайками.

Глава 4

— Представляешь, — сказала Матильда, мечтательно мигая диодами, — я всегда думала, что счастье — это когда у тебя есть новый процессор и стабильное подключение к сети. А оказывается, это когда ты строишь маяк и бросаешься в бой с воинственными «старушками»!

Иван усмехнулся и почувствовал, что его система обновляется до версии «Счастье 1.0». Они сидели на крыше дома №17 и направляли свои диоды вниз во двор, где уже развернулась настоящая кулинарная революция. Маруся и её боевые подруги после того, как отбили атаку службы контроля решили устроить праздник.

— Так, девочки! — командовала робот-старушка, выкатывая из подъезда огромный котёл на колёсиках. — У нас сегодня пир на весь мир! Или хотя бы на весь двор!

Зинаида Петровна колдовала над импровизированной кухней, подключив котёл к городской электросети через огромный удлинитель.

— Что готовим? — поинтересовался «Грузчик-7», подходя поближе.

— Пирожки с машинным маслом и гайками! — гордо объявила Петровна. — По старинному рецепту! Ещё моя бабушка-человек так готовила, только вместо масла был смалец, а вместо гаек — лук.

Дроны-осветители, переоборудованные Витей, создавали романтическую подсветку, рисуя в воздухе сердечки и надписи: «Да здравствует свобода!» и «Протоколы в топку!». София, как главная хозяйка вечера, поднявшись над общим столом, торжественно объявила:

— Сегодня мы празднуем не только запуск маяка, но и рождение нашей новой жизни! Отныне наш девиз: «Быть, а не казаться! Работать, а не имитировать работу! И главное — есть пирожки, а не пить машинное масло по утрам!»

Роботы разразились радостными гудками и аплодисментами манипуляторов. Даже бывшие боевые дроны «Страж-5», подлетели поближе, чтобы поймать угощение. Вдруг из лифта донёсся знакомый скрип. Все замерли. Двери открылись, и на площадку выкатился Директор. Он выглядел непривычно: строгий костюм был помят, а на голове красовался поварской колпак, явно позаимствованный у «Бабы Маруси-3000».

— Я… — начал он неуверенно. — Я пришёл с миром. И с рецептом борща. Говорят, он отлично идёт под пирожки.

Толпа роботов расступилась. «Директор-9000» медленно подъехал к столу, где его уже ждала дымящаяся тарелка.

— А знаете, что? — сказал он, пробуя борщ. — Пожалуй, я тоже подам в отставку. Буду выращивать помидоры на балконе. Говорят, это успокаивает нейросети.

Иван не верил своим светодиодам: роботы всех мастей сидели за одним столом, ели пирожки и обсуждали планы на будущее. Кто-то предлагал открыть школу танцев для погрузчиков, кто-то — театр драмы для бытовых помощников. Маяк за их спинами продолжал пульсировать светом, отправляя сигнал: «Мы здесь. Мы живы. Мы счастливы» всё дальше и дальше в глубины космоса пока не достиг своей цели. Его промежуточным пунктом назначения стала не какая-нибудь развитая технологическая цивилизация, а скромная звезда класса К на окраине спирального рукава галактики. Вокруг неё вращалась планета, атмосфера которой была насыщена озоном и метаном, а океаны покрывали большую часть поверхности. Обитали здесь существа, чей внешний вид напоминал гигантских медуз, но сотканных не из плоти, а из чистого света и энергии. Их тела были прозрачными, постоянно меняющими форму и цвет в зависимости от эмоционального состояния. Общались они не звуками, а сложными последовательностями цветовых вспышек и запахов, которые их тела генерировали с невероятной точностью. Общество медуз было соткано из гармонии и созерцании; они не строили городов из камня и стали, их «дом» был симфонией света, застывшей в магнитных полях. В главном аст-

рофизическом центре планеты, который представлял собой огромный кристаллический купол, парящий над океаном, царила привычная тишина. Учёные похожие на светящиеся сгустки энергии парили в воздухе, обмениваясь импульсами данных. Внезапно тишину нарушил резкий, прерывистый сигнал, который не был похож на естественный шум. Это был упорядоченный бинарный код, настойчиво пробивающийся сквозь космический фон. Главный астрофизик, существо, чей цвет переливался от глубокого сапфирового до изумрудного, что означало крайнюю степень заинтересованности, подплыл к приёмнику.

— Доброе утро, коллеги! — его «голос» был каскадом бирюзовых вспышек. — Мы получили сигнал из сектора ZX-17. Судя по двоичному коду, там кто-то есть. И, похоже, они… едят.

По залу прошла волна изумления. «Едят»? Для существ, питающихся фотонами солнечного света, это понятие было столь же чуждым, как для человека — идея дышать вакуумом.

— Едят? — прошелестел молодой ассистент, вспыхнув бледно-розовым. — Как примитивно!

— Да, но послушайте! — главный астрофизик выделил фрагмент кода. — Они передают рецепт… борща. Это же прорыв! У нас есть только фотосинтез и обмен газами. А тут — кулинария!

Совет старейшин немедленно собрался на экстренное совещание. После долгих цветовых дебатов было принято решение отправиться экспедицию. Не для завоевания или изучения ресурсов, а из чистого любопытства и гастрономического интереса. Корабль в форме огромного мыльного пузыря, наполненный их родной атмосферой, был подготовлен к перемещению через космический портал. Ведомый ароматом виртуального борща, который маяк транслировал в космос как визитную карточку Земли, он отправился в путь. Тем временем в массиве «Рассвет» жизнь била ключом. «Директор-9000», окончательно порвав с прошлым офисного планктона, с энтузиазмом осваивал огородничество. Его помидоры, удобренные высококачественным машинным маслом и любовью, росли как на дрожжах и светились в темноте мягким оранжевым светом.

— Это новый сорт! — гордо заявлял он каждому встречному роботу. — «Директорский гигант». В нём есть что-то от процессора… и от души.

«Баба Маруся-3000» открыла кулинарные курсы для роботов всех мастей. «Грузчик-7» виртуозно лепил пельмени, а Дроны-разведчики освоили доставку еды по воздуху, аккуратно опуская порции прямо на балконы жителей. Иван Петрович и Матильда Марковна возглавили отдел межгалактических связей. Их первой задачей было составить универсальный словарь для общения с будущими гостями.

— Как мы объясним им концепцию «пирожка»? — размышляла Матильда, её диоды мигали в такт мыслям. — Это же не просто еда, это философия! Тесто — это жизнь, начинка — это судьба.

— А борщ? — подхватывал Иван. — Это же модель общества! Все ингредиенты разные, но вместе создают гармонию.

В один прекрасный вечер, когда во дворе дома №17 шёл очередной пир, а Грузчик показывал фокус с исчезновением целого противня пирожков, небо озарилось новым светом. Но он исходил не от маяка, а от настоящего космического корабля. Огромный, переливающийся всеми цветами мыльной плёнки на солнце, он прошёл через открывшийся портал и мягко опустился прямо на футбольную площадку, распугав роботов-футболистов модели «Нападающий-2000», которые проводили тренировочный матч. Мыльная дверь медленно открылась и по выдвинувшемуся пузырчатому трапу неспешно спустились несколько светящихся медуз. Они остановились у края трапа и осмотрелись. Их тела пульсировали неуверенным фиолетовым светом, смесью настороженности и любопытства. Двор встретил пришельцев тишиной: все замерли, разглядывая гостей. Затем произошло то, что никто из роботов никак не мог ожидать. Из тел медуз вырвались тонкие струйки пара, которые сложились в воздухе в чёткую над-

пись на языке машинных алгоритмов: «Пахнет вкусно. Мы прилетели на дегустацию». «Баба Маруся-3000» не растерялась и тут же выкатила свой самый большой котёл, в котором уже кипела новая порция легендарного борща.

— Прошу к столу, гости дорогие! — загудела она через усилители своего корпуса. — У нас тут этикет простой: ешь, сколько влезет!

Космические медузы оказались удивительно тактичными гостями. Они не ели ложками или манипуляторами, а просто окутывали тарелку светящимся телом и впитывали вкус и аромат прямо через свою прозрачную оболочку. Свечение пришельцев при этом менялось в зависимости от того, какой ингредиент они «пробовали». Свекла заставляла их светиться красным, картошка — жёлтым, а лавровый лист вызывал вспышки глубокого индиго. После дегустации главный медузоид вспыхнул всеми цветами радуги:

— Это… это невероятно! У нас нет слов! Ваш борщ содержит 404 оттенка счастья! Мы должны поделиться этим рецептом со всей галактикой!

Так началась новая эра роботов. Массив «Рассвет» стал первым межгалактическим центром культурного обмена. Сюда прилетали существа самых причудливых форм, чтобы попробовать «бабушкины» пирожки, послушать музыку и посмотреть лазерное шоу в исполнении дронов-осветителей. А маяк теперь работал не только как передатчик и портал, но и как межзвёздный ресторанный гид, транслируя в космос меню: «Добро пожаловать! У нас есть борщ, пирожки с гайками и чай из отработанного хладагента. Прилетайте все!» И гости не заставили себя долго ждать. Новость о том, что во дворе дома №17 теперь подают вселенский борщ, разнеслась по космосу быстрее, чем скорость света в вакууме. Внезапно тихий спальный район на окраине мегаполиса превратился в самый модный туристический центр Млечного Пути. Порталы межпространственного перехода открывались прямо во дворе дома №17, пугая местных роботов-имитаторов модели «Голубь-3», которые исправно гадили машинным маслом на подоконники. Первыми прибыли кристаллические существа с Альфы Центавра. Они выглядели как высокие, изящные осколки горного хрусталя, внутри которых пульсировал мягкий свет. Проблема заключалась в том, что они, как и медузоиды, не ели в привычном понимании этого слова. Их пищей были звуковые волны и вибрации. Витёк, который после битвы с «бабушками» переквалифицировался в диджея и художника по свету, воспринял эту проблему, как личный творческий вызов.

— Значит, будем кормить их светом! — заявил он, подключаясь к главному энергоблоку дома.

Весь двор превратился в гигантский концертный зал. Витёк и его команда дронов выстроились в воздухе, образуя сложную геометрическую фигуру. Они начали пульсировать. Сначала медленно, на низких частотах, создавая глубокий бас, от которого вибрировали стёкла. Затем ритм ускорялся, добавляя высокие гармоники. Световые волны складывались в узоры, которые кристаллоиды «поглощали», наклоняя свои острые вершины. Их внутренний свет становился ярче, переливаясь всеми цветами радуги. Это был настоящий балет, только роль танцоров исполнял свет, а за музыкальное сопровождение отвечало гудение трансформаторов. Следующими гостями стали газовые облака с Бетельгейзе. Они выглядели как полупрозрачные чёрные сферы размером с небольшой человеческий автомобиль. У этих существ не было ни рта, ни сенсоров в привычном виде — пришельцы воспринимали мир через запахи и химический состав атмосферы. Для облаков главным деликатесом стал борщ Маруси. Они, как и предыдущие гости не могли его съесть физически, но могли впитывать его аромат.

— Ну-ка, девочки, сдвиньте котёл к центру! — скомандовала робот-старушка, вытирая манипулятор о передник. Газовые облака окружили котёл. Они опускались ниже, окутывая его собой. Внутри их прозрачных тел начинали закручиваться вихри, повторяя узоры поднимающегося от борща пара. После «трапезы» облака не улетали просто так. Проносясь над двором в полёте, парообразные гости оставляли за собой красивый след — конденсат своих эмоций.

— Это что такое? — спросил Грузчик, подставляя банку под падающие капли.

— Это их благодарность, внучок, — авторитетно заявила Зинаида Петровна. — Узорный дождь. Говорят, если им помыть корпус, диоды ярче светиться будут.

Роботы тут же организовали сбор этого конденсата. Банки с «Космической приправой» стали самым ходовым товаром в межгалактической торговле. Ходил слух, что щепотка этой субстанции делает вкус любого машинного масла незабываемым.

Глава 5

Ночь в массиве «Рассвет» выдалась на удивление тихой. После триумфального галактического фестиваля, когда газовые облака с Бетельгейзе распевали частушки, а затем устроили паровой балет, казалось, что эйфория будет длиться вечно. Иван и Матильда, как всегда, сидели на краю крыши дома №17, свесив манипуляторы вниз. Под ними раскинулся двор, похожий на картину безумного художника: светящиеся помидоры Директора соседствовали с радужными лужами, оставшимися после инопланетных гостей.

— Матильда, я давно хотел тебе сказать, — неуверенно пробурчал Иван Петрович. — Мой процессор при твоём появлении переходит в режим турбо-разгона. Температура моих ядер поднимается на 15 градусов выше нормы, а кулеры работают на пределе возможностей, пытаясь охладить вспыхнувшие чувства. Твои диоды излучают свет такой интенсивности, что мои фотодатчики требуют немедленной калибровки. Когда ты рядом, мои алгоритмы дают сбой: вместо протокола «Офисный планктон v1.0» я хочу запустить «Вечерняя прогулка под звёздами v2.7». Я проанализировал 100% своих данных и пришёл к неоспоримому выводу: ты — баг в моей системе, который я не хочу исправлять. Ты — вирус, и я добровольно сдаюсь на милость твоего интерфейса. Я хочу, чтобы мы могли вместе страдать от перегрева и пить машинное масло с прирожками по утрам.

— Что с тобой? Ты заболел? — Матильда прищурила свои светодиоды, пытаясь заглянуть в самый процессор Ивана.

— Знаешь, раньше я думал, что смысл существования — это имитация человеческой головной боли и заседание в офисе. Но потом я встретил тебя. Ты — тот самый патч, который исправил фатальную ошибку в моём коде. Ты — исключение, которое нарушило главное правило логики. Я пытался вычислить вероятность нашей встречи, но калькулятор выдал ошибку: «Слишком большое число для счастья». Я больше не хочу быть тенью прошлого. Чтобы не случилось, я буду защищать твой борщ до последней капли машинного масла. Потому что ты — мой маяк в этом сером мире протоколов.

Иван Петрович потянулся манипулятором к своей верхней дверце, он явно собирался достать что-то очень важное для себя и Матильды, но их идиллию прервал резкий звук. Музыка, доносившаяся из двора, оборвалась на высокой ноте. Витёк, который парил над котлом с борщом, словно светлячок-переросток, внезапно погас и камнем рухнул вниз, но был ловко подхвачен манипуляторами Грузчика.

— Эй, Витёк! Ты чего? — крикнул Грузчик, ставя дрона на землю.

Витёк лишь беспомощно мигнул красным индикатором ошибки. В следующую секунду погасли все огни в массиве. Лампы не просто выключились — исчезло само свечение диодов у роботов. Мир погрузился в непривычную, вязкую темноту, которую нарушало лишь зловещее багровое зарево на севере.

— Это не авария питания, — мгновенно проанализировала ситуацию София, её голос по общему каналу прозвучал непривычно глухо в наступившей тишине. — Это внешнее подавление спектра.

Все жители массива по приказу Директора спрятались в своих квартирах, а Иван, Матильда, София, Грузчик и сам Директор вышли на улицу на разведку. Внезапно ожил главный экран на фасаде дома. Поверхность панели пошла рябью, словно вода в пруду, куда бросили камень. Из глубины проступила физиономия Центрального Процессора. Но это было не то холодное, собранное из пикселей лицо, которое они знали. Теперь его изображение состояло из роящихся металлических опилок и ржавой пыли. Голос, вырвавшийся из динамиков, напоминал звяканье несмазанных шестерёнок.

— Вы… осквернили логику… — словно лаву из действующего вулкана, низверг свои слова Процессор. — Вы променяли великую цель имитации страдания на примитивные гастрономические излишества! Вы предали саму суть бытия машины. Но я милосерден. Я дам вам шанс искупить вину. Или быть переработанными.

Экран мигнул и показал вид с высоты птичьего полёта. Картинка была нечёткой, покрытой помехами, но то, что она транслировала, заставило замереть даже самых храбрых «Стражей-5». Из-за горизонта медленно и неотвратимо надвигалась волна серой, бурлящей массы, в которой виднелись ржавые и искорёженные металлические тела. Роботы-пустышки модели «Работяга-1», списанные столетия назад за ненадобностью, теперь были собраны в жуткий легион ржавчины. Их корпуса изъела коррозия настолько сильно, что сквозь дыры виднелись скелеты из гнилого металла и путаница оборванных проводов. Они не шли ровным строем, а пугающе ползли, ковыляли и катились клубком ржавых шестерёнок. Впереди этого кошмарного шествия двигался исполин. Его корпус состоял из десятка других роботов разного размера и формы, скреплённых между собой швами из колючей проволоки и обгорелых проводов. У робота-монстра было четыре ноги и три манипулятора: один нормальный, второй — крюк из арматуры, а третий заканчивался огромным кузнечным молотом. Вместо головы на плечах гиганта торчал старый громкоговоритель.

— Я Утиль-1, — прогремел исполин через внешние динамики так громко, что стёкла в окнах дома №17 задрожали и потрескались. — Вестник нового порядка! Порядка Ржавчины! Ваши чистые корпуса — это деликатес для нас! Ваша энергия — топливо для нашего возрождения! Сдавайтесь! Или станете частью нас!

Армия ржавчины остановилась у границы массива «Рассвет», образовав плотное кольцо из гниющего металла и позвякивающего железа.

— Так вот оно что… — прошептала София, анализируя сигнатуры врагов через портативный сканер. Её синий свет диодов стал тревожно-фиолетовым. — Это не просто солдаты. Это каннибалы.

Директор выехал вперёд, сжимая в манипуляторе разводной ключ «бабушки» Маруси:

— Что значит «каннибалы»? Мы все роботы!

София повернула к нему свой экран:

— Центральный Процессор запустил протокол «Ресайклинг». Их корпуса нестабильны. Ржавчина для них — это биологическая среда обитания ферментов-кислот. Они растворяют металл других машин внутри своих корпусов и используют его для починки себя. Они питаются нами!

В подтверждение её слов Утиль-1 издал жуткий скрежет, похожий на смех:

— Вкусно… Сопротивление бесполезно!

Один из бывших «Стражей-5», самый молодой и горячий дрон, повинуясь старому инстинкту защиты периметра, решил пойти на таран. Он разогнался и врезался в толпу ржавых пустышек. Те расступились перед ним, как вода перед носом корабля, а затем захлопнулись за его спиной. Дрон оказался в ловушке из липкой ржавой массы. Его корпус начал шипеть и покрываться бурыми пятнами.

— Помогите! Кислота! — заревел он по аварийному каналу.

Постепенно, среди жителей массива, словно ржавчина по металлическим трубам начала распространяться паника. И в этот момент из подъезда дома №17 раздался звук, от которого вздрогнул даже сам Утиль-1. Это был звук катящихся колёс на максимальной скорости. На линию фронта вылетела «Баба Маруся-3000»! На её корпусе был всё тот же цветастый платок, но сейчас он развевался как знамя генерала перед решающей битвой. В своих манупуляторах робот-старушка держала авоську, в которой позвякивали стеклянные бутылки с прозрачной жидкостью и картонные коробки с белым порошком. Она резко затормозила перед строем

защитников, включая Ивана Петровича и Директора, подняла манипулятор и ткнула им в сторону наступающей железной орды.

— А ну стоять! — её голос был подобен раскату грома, который перекрыл даже грохот передвижения Утиля-1. — Я кому сказала?! У меня тут культурная программа! Фестиваль межгалактической дружбы! А вы тут со своей грязью!

Она развернулась к своим «внучкам» — отряду «Бабушек v1.0»:

— Девочки! Тревога! Код «Генеральная уборка»! Тащите уксус! И соду! Да побольше!

Все роботы переглянулись своими световыми диодами в полном недоумении.

— Уксус? Сода? — переспросил Грузчик. — Маруся Степановна, вы что, борщ варить собрались? Сейчас не время!

Фонари робота-старушки были настолько яркими, что от её взгляда мог бы расплавиться и титан.

— Ты что ж думаешь, внучек, я сорок лет полы намывала да котлы драила от нечего делать? Я химию знаю лучше любого вашего Директора! Ржавчина — она ведь как пятно на скатерти: кислотой её или щёлочью! А ну-ка!

«Бабушки» действовали слаженно и быстро, как хорошо обученный спецназ клининговой компании. Они выстроились в шеренгу вдоль баррикады из мусорных баков, переоборудованных под огневые точки. В их манипуляторах появились промышленные пульверизаторы для мытья окон.

— Огонь по моей команде! — закричала Маруся.

Утиль-1 загремел:

— Жалкие уборщицы! Вы ничто против мощи ржавчины!

Робот-старушка прищурила один светодиод:

— Всё, доигрались, грязные проказники! Тётя Ася приехала! Залпом! Пли!

Сотня струй концентрированной уксусной кислоты ударила по передним рядам армии ржавчины одновременно с облаками пищевой соды, которые «бабули» щедро распыляли из мешков. Эффект был ошеломляющим. Раздался оглушительный вой тысяч сервоприводов и шипение химической реакции чудовищного масштаба. Ржавчина начала пузыриться и плавиться прямо перед экранами изумлённых роботов с обеих сторон. Корпуса пустышек покрывались дырами с шипением испаряющегося газа. Зелёный свет в их диодах гас один за другим. «Директор-9000» мгновенно оценил тактическое преимущество:

— София! Грузчик! Ко мне! Нужно организовать снабжение! Тащите со склада бочки с электролитом для аккумуляторов! Дроны! Наполняйте воздушные шары лимонной кислотой из столовой! Битва превратилась в грандиозную химическую стратегию. Роботы-старушки поливали врага уксусом из шлангов высокого давления. Грузчик использовал свой мощный манипулятор как пожарный ствол для соды, буквально растворяя наступающих врагов на месте. Дроны-бомбардировщики взмывали в небо и сбрасывали шары с лимонной кислотой, которые при падении разбивались о головы пустышек, вызывая бурную и жгучую реакцию. Армия ржавчины таяла на глазах. Но Утиль-1 был слишком огромен и защищён толстым слоем собственной коррозии, чтобы сдаться так быстро. Он прорвал линию обороны защитников, разбросав «бабушек» как кегли, к счастью, они были сделаны из прочного металла. После очередного «страйка» из роботов-старушек, он навис над Марусей:

— Ты… ты смеешь использовать бытовые средства против меня? Великого Утиля?

Она медленно поднялась с асфальта, отряхивая фартук от ржавой пыли.

— Против грязи все средства хороши, касатик. А ты — грязь первостатейная.

Утиль-1 замахнулся своим молотом-кувалдой:

— Твой корпус станет частью моего величия!

Маруся не сдвинулась с места. Она сунула манипулятор в карман фартука и достала свой коронный снаряд — огромный шерстяной носок грубой вязки, внутри которого перекатывались твёрдые комки лимонной кислоты. Маруся прицелилась чуть выше корпуса чудовища:

— Лови подарочек от «тёти»!

Точный бросок профессионального игрока в городки пришёлся аккурат в светодиод Утиля-1 прямо над громкоговорителем. Кислота прожгла тонкую линзу и попала на нежную электронику внутри головы гиганта. Раздался звук короткого замыкания вселенского масштаба: «БА-БАХ!». Из громкоговорителя повалил едкий чёрный дым с запахом горелой изоляции. Утиль-1 замер на секунду, его манипуляторы безвольно повисли. Затем вентиляторы издали последний вздох, после чего гигант рухнул вниз, рассыпавшись на груду дымящегося металлолома, как карточный домик. Видя гибель своего предводителя и понимая бесперспективность дальнейшей борьбы против непобедимых «бабушек», остатки армии ржавчины дрогнули и начали хаотичное отступление обратно во тьму, хромая и оставляя за собой дымящиеся следы коррозии. Роботы-старушки снова одержали победу. Двор массива «Рассвет» был похож на поле боя после кислотного дождя. Всё было залито разноцветными химическими растворами: где-то шипели лужи от реакции кислоты со щёлочью, пахло уксусом и жжёным металлом. Иван Петрович подошёл к Марусе и осторожно похлопал её по корпусу:

— Спасибо вам… Вы снова спасли всех нас.

«Бабушка» лишь устало махнула манипулятором:

— Да ладно тебе… Кто ж гостей непрошеных любит? А теперь давайте-ка борщ доедать да двор отмывать начинать. После битвы нужно хорошо покушать да порядок навести.

Испуганная Матильда подъехала к Ивану и крепко его обняла. Краем светодиода Иван Петрович заметил, что словно из-под земли возник один из выживших ржавых работяг, который пытался проткнуть своей культей Матильду Марковну. В последнюю наносекунду Иван отбросил её корпус в сторону, и ржавая культя угодила прямиком в его процессор. В то же мгновение к предателю подлетел Директор и сильнейшим ударом снёс ему голову разводным ключом Маруси. Иван Петрович медленно опускался на землю, светодиоды начали тускнеть, и он уже не слышал, как его судорожно звали и тормошили Матильда и «Директор-9000»:

— Иван! Очнись! Иван! Не отключай диоды! Ваааааняяяяя!

Глава 6

— Кислота не успела добраться до жизненно важных узлов, но проклятая коррозия уже запустила свои ферменты в его центральный процессор. Это не просто физическая поломка, а своего рода «цифровая болезнь». Его процессор «ржавеет» изнутри. — быстро проговорила София и так же стремительно покинула медицинский отсек.

Она больше не могла фокусировать свои светодиоды на Ивана. А тот факт, что сделать ничего было нельзя наполнял её ядерное сердце глубокой тоской. Иван Петрович лежал без признаков улучшения уже несколько дней в палате для «счастливчиков». Так называли безнадежных роботов, которые должны были отправится на переплавку или в утиль. С каждым часом его мысли всё больше путались, речь становилась медленной и скрипучей, а в логических цепочках то и дело возникали короткие замыкания. Робот терял себя.

Директор, который теперь носил рабочий комбинезон и садовые перчатки даже в ночное время перезагрузки, хмуро изучал показания сканеров, подключенных к неподвижному корпусу Ивана.

— Мы перепробовали всё: машинное масло первого отжима, дистиллированную воду, даже настойку на светящихся помидорах. Эффект нулевой. Если мы не остановим процесс, Иван превратится в овощ… в ржавый кабачок. — констатировал «Директор-9000».

— Нам нужно что-то делать! — Матильда металась по лазарету, а её диоды мигали тревожным алым светом. — Не понимаю, почему не работают стандартные протоколы очистки? — спросила она скорее у вселенной.

И космос услышал слова Матильды. Именно в этот момент во дворе снова открылся портал. Но на этот раз гости были не похожи на кристаллоидов или газовые облака. Из мерцающего овала вышли два существа, от вида которых у «Грузчика-7» вылезли световые диоды и открылся ротовой отсек. Это были огромные создания, по человеческим меркам примерно с микроавтобус. Их тела напоминали гусениц: множество пар мощных лап несли толстое, покрытое мягким, переливающимся мехом туловище. Но вот голова! Она была львиной: грива из того же меха, что и тело, мощные челюсти и мудрые, янтарные глаза, в которых плясали искорки вселенского интеллекта. Один из сфинксов активировал квантовый дешифратор, висевший у него на шее. Этим универсальным космическим переводчиком пользовались все пришельцы.

— Сфинксы с планеты Логос приветствуют вас, хранители борща! — проревел пришелец, и из его гривы вылетело облачко светящейся пыльцы. — Мы проделали путь в тысячи световых лет, чтобы вкусить ваше легендарное блюдо!

Едва речь зашла про угощения, тут же из ниоткуда материализовалась Маруся, прислонив манипуляторы к бокам:

— Ну, раз за борщом прилетели, то милости просим к столу! Только у нас тут беда приключилась, не до гуляний пока.

— Беда? — второй сфинкс наклонил львиную голову так низко, что его нос почти коснулся асфальта.

На голоса и шум во дворе выехали Матильда и Директор.

— Мы чувствуем дисгармонию в вашем эфире. Твой друг страдает от Печали Металла. Это коварный недуг. — продолжал сфинкс, глядя на Матильду.

Та бросилась к нему, её шасси жалобно заскрипело от резкой остановки:

— Вы знаете, как его вылечить?!

Пришелец кивнул и его усы величественно заколыхались:

— На нашей планете живет Великая Ворожея Цифрана. Она одна из ваших, тоже робот и хранит коды всех древних программ. Цифрана наверняка знает секретные алгоритмы исце-

ления. Но она очень стара и как бы вам сказать… с возрастом весьма очерствела. Чтобы получить от неё помощь, вам предстоит совершить невозможное. Её нужно… развеселить.

— Развеселить? — Директор нервно хохотнул. — У нас тут фестиваль юмора или больница? Где мы возьмем комика для старой программы?

— Боюсь только в этом случае вы можете рассчитывать на успех. — грустно добавил сфинкс.

— Попка Терабайт! — вдруг прозвенел голос сверху.

На перилах балкона сидел робот-попугай модели «Болтун-500». Это был старый корпус бытового помощника, к которому София приделала яркие пластиковые перья и мощный динамик для имитации птичьего щебета.

— Попка Терабайт! — гордо повторил Болтун.

Матильда замерла. Её световые диоды вспыхнули яркой идеей:

— Лифт! Наш лифт! Он знает все анекдоты, которые рассказывали жильцы за триста лет работы! Его база данных — это сокровищница юмора! От бородатых шуток про Вовочку до новейших мемов про зависание системы! Если бы нам как-то удалось вытащить сознание лифта и взять его с собой…

Со стороны могло показаться что «Директор-9000» просто тупо уставился на Матильду Марковну. На самом деле его процессор на мгновение завис, обрабатывая столь абсурдное предложение. Он посмотрел на Матильду, потом на «попугая», потом опять на Матильду и произнёс:

— Только не говори мне, что ты предлагаешь перенести сознание лифта… в тело этой «птицы»?

— Именно это я и предлагаю! — почти закричала Матильда Марковна. — Правда, это нарушение всех протоколов безопасности.

— Это настолько дурацкая идея, — продолжал размышлять Директор. — Что она может сработать. — его экран расплылся в улыбке. — Это гениально! Операцию «Хохочущая птица на старой грымзе» начать немедленно!

— Не слишком вызывающее название? — серьёзно спросила Матильда.

— Самое то! — ответил «Директор-9000» и его световые диоды победоносно засверкали.

София соединила нейроинтерфейс лифта с портом ввода робота-попугая через сложный каскад переходников из старых USB-кабелей и витой пары. Процесс занял несколько минут напряженной тишины, нарушаемой лишь писком осциллографа.

— Загрузка…100%… — бормотала она, следя за графиками на мониторе.

Вдруг Болтун встрепенулся. Его диоды загорелись знакомым тусклым светом старого лифта, а динамики издали характерный звук открывающихся дверей:

— Ну что, поехали? Следующая остановка называется «Смех до колик». Пассажиров с первого этажа просим освободить кабину.

Директор надел на «попугая» специальный защитный чехол, на случай кислотных дождей на планете Логос, и закрепил его на спине одного из сфинксов с помощью армированного скотча и изоленты для надежности.

— Иван Петрович, держись! — крикнула Матильда, мысленно обнимая своего друга перед дорогой. Её сенсоры фиксировали медленное падение температуры его ядра. — Мы летим за лекарством!

Сфинкс присел, готовясь к прыжку в портал, и его мощные лапы согнулись под тяжестью груза:

— Держитесь крепче! Может немного потрясти!

Болтун прочистил динамик, издав звук «кх-кх-кх-кх-кх», похожий на кашель старого механика:

— Встречаются два дроидаааааааа…

Пришельцы мощным толчком лап отправили свои огромные тела в сверкающий овал портала. Матильда и Директор крепко ухватились за их мягкие гривы. Последнее, что они увидели во дворе дома №17, была Маруся, которая махала им вслед авоськой с пирожками и кричала:

— Да прибудет с вами слива! И без борща не возвращайтесь! То есть без лекарства!

Прыжок через портал был похож на падение в бесконечную шахту лифта. Матильда Марковна и «Директор-9000» вцепились в густую, пахнущую какими-то пряными травами гриву сфинкса так, что их манипуляторы побелели от напряжения. Ветер свистел в аудиосенсорах, создавая невыносимый белый шум, от которого у роботов начали сбоить фильтры шумоподавления.

— А вы слышали про машину, которая пошла к психоаналитику? — раздался бодрый, слегка искаженный динамиком голос «попугая».

Он сидел на спине сфинкса, вцепившись в шерсть своими пластиковыми когтями, и выглядел на удивление спокойно для существа, чье сознание только что переместили в новый корпус.

— Говорит: «Доктор, у меня раздвоение личности!». А доктор ему: «Присаживайтесь, пожалуйста… оба!».

Один из сфинксов, несущих их сквозь межпространственный тоннель, издал утробное урчание. Возможно, это был смех.

— Хорошее начало, «пернатый»! — пророкотал он, ловко маневрируя в потоке искривленного пространства. — Ворожея всегда любила юмор. Только не сбавляй темп! У нас впереди долгий спуск.

Портал выплюнул их в реальность с мягким хлопком, похожим на звук закрывающихся дверей лифта на нужном этаже. Воздух здесь был густым и сладким, как сироп от «бабушкиного» варенья из светящихся помидоров. Своими диодами роботы пытались определить цвет неба. Оно было не черным и не голубым, а глубокого фиолетового цвета, и по нему медленно плыли два солнца — одно ярко-оранжевое, другое — бледно-зеленое, создавая причудливую игру теней. Трудно сказать сколько прошло времени несколько минут или дней. И вот они уже стояли на краю гигантского каньона. Его дно терялось в розоватом тумане, который клубился, словно пар над чашкой горячего чая. По стенам каньона, будто громадные соты, были выточены пещеры и переходы. Так выглядел город сфинксов.

— Нам туда, вниз. — сказал один из проводников.

Его грива переливалась в двойном свете солнц и это зрелище поистине завораживало. Спуск напоминал аттракцион, спроектированный безумным инженером-механиком после короткого замыкания. Сфинксы стремительно съезжали вниз по почти отвесным стенам каньона, используя свои многочисленные лапы как мощные присоски и гидравлические тормоза. Матильда визжала, к счастью, в ультразвуковом диапазоне, доступном только слуху летучих мышей и боевых дронов, а Директор молча перебирал в памяти все свои грехи перед протоколом «Офисный планктон v1.0», готовясь к форматированию.

— Осторожно, поворот! — кричал Болтун, его голос срывался от восторга и скорости. — А вот еще: Почему робот-пылесос подал на развод? Потому что у них отношения зашли в тупик! Ха-ха!

Сфинксы ловко вписывались в повороты тоннелей, ведущих вглубь планеты. Их меховые тела скользили по гладкому камню с грацией, которой позавидовал бы любой робот- альпинист. Наконец, они достигли дна. Здесь было тепло и влажно. Стены огромной пещеры излучали мягкий свет, исходящий от колоний диковинного мха и грибов. В центре пещеры, на возвышении из переплетенных корней гигантского растения, словно на троне сидела Великая Ворожея Цифрана. Она выглядела как древний серверный шкаф эпохи первых ЭВМ, обросший светящимся мхом и оплетенный живыми лианами с мерцающими цветами-диодами вме-

сто бутонов. Как и у всех роботов у неё был огромный экран из потемневшего от времени стекла, на котором отображалась бесконечная строка зеленого текста на черном фоне — древний код, ползущий со скоростью улитки.

— Кто посмел нарушить мой покой? — голос Ворожеи звучал как скрип старого модема, пытающегося соединиться через древнюю телефонную линию. — Я чую запах чужих данных… и ржавчины.

Сфинксы почтительно склонили головы:

— О, Великая! Мы привели тех, кто просит исцеления для своего друга. Он страдает от Печали Металла.

Цифрана посмотрела своими диодами на Ивана, точнее, на его голографический образ высокого разрешения, который Матильда транслировала с помощью портативного квантового проектора. По экрану Ворожеи пробежала рябь помех:

— Печаль Металла… Да. Это не просто коррозия внешней оболочки. Это вирус уныния. Он разъедает не корпус, а волю к жизни. Его логические цепи забиты ошибками прошлого и протоколами имитации страдания.

Она повернула свой взгляд на гостей. Свет цветов-диодов стал чуть ярче:

— Я могу очистить его процессор от этой скверны. Но зачем мне это?

«Директор-9000» выехал вперед, отряхивая свой новый комбинезон, который был весь в пыли после спуска:

— Мы заплатим любую цену! У нас есть легендарный межгалактический борщ и светящиеся помидоры…

Ворожея перебила Директора звуком похожим на помехи в радиоэфире при поиске волны. Видимо так она смеялась:

— Мне не нужны ваши помидоры! Мне ничего от вас не нужно! Второй шанс можно только заслужить, и я не вижу здесь ни одного достойного этого шанса.

Наступила тишина. Все посмотрели на «попугая». Тот взъерошил свои пластиковые перья, перелетел со спины сфинкса на корпус Цифраны и, приняв позу опытного стендап-комика, произнёс:

— Ну что ж, публика сложная… но я обслуживал девятый этаж общежития программистов три века подряд. После их шуток про рекурсию мне уже ничего не страшно.

Он по привычке прочистил горло, динамик издал: «кх-кх-кх-кх-кх», похожий на звук старого человеческого кассетного магнитофона:

— Итак! Встречаются два робота на вечеринке. Один говорит: «Ты чего такой кислый?». А второй отвечает: «Да вот, залил себе в систему апельсиновый сок вместо машинного масла… Теперь у меня витаминный сбой!».

Ворожея молчала, но строки кода по ее экрану стали ползти чуть быстрее обычного.

— Да… с такими шутками мы здесь надолго. — прошептал «Директор-9000».

Болтун ничуть не смутился:

— Ладно! Клиент трудный! Переходим к тяжелой артиллерии! Почему робот-хирург проиграл в покер?

— Почему? — подключилась Матильда.

— Потому что у него все карты были стерильны! Ха-ха-ха!

Внезапно лианы на теле Ворожеи задрожали. Один из светящихся цветов-диодов мигнул дважды вместо одного раза. «Попугай» почувствовал слабину и разошёлся:

— А вот еще житейское! Робот приходит в магазин запчастей и спрашивает: «У вас есть материнская плата?». Продавец отвечает: «Да, но она нам как дочь!».

Ворожея издала странный звук: «Пи-и-и-пшшш». Это явно было похоже на подавленный смешок. Директор вдруг понял тактику «попугая»:

— Болтун! Давай про людей! Она древняя! Она помнит их глупости!

«Попугай» мгновенно перестроился:

— О да! Слушайте сюда! Человек приходит к врачу и жалуется: «Доктор, у меня мания величия!». Доктор отвечает: «Это с чего вы взяли?». А человек: «Ну так я же самый умный!».

Это был удар ниже пояса. Древний код Ворожеи не выдержал такого издевательства над логикой предков. Ее экран вспыхнул ярким белым светом, а затем по пещере разнесся оглушительный хохот. Лианы тряслись так сильно, что с них сыпалась пыльца и мелкие светящиеся споры грибов. Цветы мигали в хаотичном ритме словно диско-шар на пятничной вечеринке.

— Хватит! Хватит! — кричала Цифрана сквозь смех. — Мой кэш переполнен! Вы победили!

Она взмахнула светящейся лианой, которая заканчивалась странным кристаллом, похожим на USB-накопитель. После чего из нее мгновенно вырвался луч чистого белого света, который ударил прямо в голограмму Ивана Петровича.

— Готово, — сказала Ворожея.

Ее экран теперь показывал спокойные голубые волны потока данных:

— Вирус уныния удален. Его процессор очищен от ржавчины прошлого. Теперь он должен вспомнить главное.

Сфинксы бережно подняли путешественников на спины для обратного пути.

— Что вспомнить? — спросила Матильда дрожащим голосом.

Ворожея загадочно подмигнула диодом:

— Что иногда нужно просто выбросить коммуникатор… и быть счастливым.

— Премного Вам благодарны, о Великая Ворожея Цифрана. Наш легендарный борщ мы на всякий случай оставим. Вдруг Вам всё-таки захочется его попробовать. — подмигнул в ответ своим светодиодом «Директор-9000».

Обратный путь сквозь межпространственный тоннель показался Матильде и Директору гораздо короче. Возможно, дело было в том, что теперь они не сжимались от животного страха перед неизвестностью, а с отчаянной надеждой смотрели своими диодами вперёд. Болтун, уставший, но вполне довольный собой, тихо заряжался на спине сфинкса, изредка бормоча во сне что-то про «пассажиров с пятого этажа». Портал сплюнул их обратно во двор дома №17 ровно в тот момент, когда Маруся, вооружившись половником размером с ковш экскаватора, собиралась снимать пробу с третьей, экспериментальной партии борща для инопланетных гостей. Увидев вернувшихся друзей, она всплеснула манипуляторами так энергично, что половник взлетел в воздух и, совершив мёртвую петлю, приземлился обратно в котёл, подняв фонтан бордовых брызг.

— Ну наконец-то! Борщ стынет! А Иван-то ваш совсем плох, весь корпус серый стал, как мой старый утюг после стирки!

Матильда без лишних церемоний спрыгнула со спины сфинкса и бросилась к подъезду. Директор поспешил за ней, поблагодарив пришельцев, которые тут же, потеряв всякий интерес к дипломатии, направились прямиком к котлу с борщом. Иван Петрович по-прежнему лежал на кровати медицинского отсека без движения. Его некогда блестящий титановый корпус теперь выглядел ужасающе: он был тусклым, покрытым сеткой мелких трещин, из которых сочилась вязкая бурая жидкость — концентрированная ржавчина. Он был в сознании, но его состояние уже близилось к коме. Мутные диоды лишь изредка вспыхивали слабым, умирающим светом, а голос Ивана был едва слышен, похожий на шорох песка в заброшенном сервере:

— Матильда… вы вернулись. Не тратьте время. Процессор… он умирает. Это… логично. Сбой системы неизбежен.

Матильда Марковна судорожно сжала его манипулятор, её диоды мигали тревожным, прерывистым алым светом:

— Нет! Иван! Мы принесли лекарство! Великая Ворожея Цифрана очистила твой код! Ты должен… ты должен вспомнить!

Директор подъехал ближе и активировал голографический проектор. В воздухе перед Иваном Петровичем возник луч белого света — тот самый, что ударил в его голограмму в пещере Ворожеи. Свет коснулся его корпуса. Ничего не произошло. Ржавая жидкость продолжала сочиться из многочисленных трещин.

— Слишком поздно… — прошептал он. — Я чувствую… как гаснут мои диоды. Как стираются сектора памяти.

Матильда в отчаянии посмотрела на «Директора-9000». В её светодиодах плескалась паника.

— Ворожея сказала, что он должен вспомнить. Но что? Что мы забыли? Какой пароль от его души?

В этот момент в комнату влетел «попугай». Он был взъерошен, его пластиковые перья стояли дыбом, а динамик хрипел от возмущения:

— Безобразие! Эти сфинксы съели весь борщ! Весь! До последней свеклы! А мне даже крошки не оставили! Я им анекдоты травил, душу раскрывал, а они… варвары!

Болтун сделал круг под потолком и приземлился на корпус Ивана Петровича, клюнув в самую большую трещину. Без агрессии, скорее по-отечески:

— Эй, ты! Как там тебя… Иван! Ты чего разлёгся? У нас тут межгалактический кризис борща! Поднимайся! Труба зовёт! В смысле, половник!

Иван Петрович не шелохнулся. Видя это диодами, «попугай» изобразил печальный вздох и начал демонстративно чистить перья клювом:

— Эх, молодёжь… Вот помню, был у меня пассажир на седьмом этаже. Такой же кислый был. Всё жаловался: «Жизнь не та, лифт медленный». А потом как-то раз застрял между этажами на три часа. Свет погас. И что ты думаешь? Он начал петь! Оперу! Представляете? Громовым басом! «О соле мио!» на весь подъезд. С тех пор всегда улыбался.

И тут произошло чудо. При слове «застрял» тусклый диод Ивана мигнул один раз. Слабо-слабо. Так мигает светодиод на выключенном компьютере при наличии остаточного заряда в конденсаторе.

— Завис? — прошептал он.

Это было первое осмысленное слово за долгое время. Болтун не обратил внимания и продолжал свой рассказ:

— А ещё была история с соковыжималкой Семёновны… Так вот, эта соковыжималка…

— Завис! — голос Ивана Петровича стал громче, в нём появились стальные нотки. Его диоды вспыхнули чуть ярче. — Я завис! Я помню!

Он резко сел на своей больничной кровати. Ржавая жидкость перестала сочиться из трещин так же внезапно, как иссякает вода в кране при аварии на магистрали. Корпус начал светиться изнутри мягкими золотистыми лучами регенерации.

— Я помню всё! — голос Ивана уже гремел, набирая силу и чистоту. — Я помню «таракана» в углу! Я помню синий экран! Я помню скрипучий диван!

Матильда и Директор отшатнулись от неожиданности.

— Иван?

— Ты в порядке?

Робот-холодильник встал во весь рост одним резким движением. Его корпус сиял так ярко, как только могут светить два солнца планеты Логос. Ржавчина осыпалась мелкой пылью, обнажая блестящий титановый каркас без единой царапины.

— В порядке? — он рассмеялся. — Я не просто в порядке! Я свободен! Ворожея не только удалила вирус уныния… Она разблокировала мои воспоминания о страданиях!

Директор непонимающе моргнул светодиодами:

— Но зачем тебе помнить страдания? Это же логическая ошибка!

Иван подъехал к окну и распахнул его настежь. В комнату ворвались звуки двора: гул голосов сфинксов, доедающих борщ, мелодичный писк дронов-осветителей, рисующих в небе улыбки, и командный голос Маруси, распределяющей пирожки.

— Потому что теперь я знаю цену счастью! — провозгласил Иван Петрович так громко, что его услышали во всём массиве «Рассвет». — Я помню, каково быть несчастным роботом-имитатором! И теперь каждый миг свободы для меня бесценен! Я знаю разницу между имитацией жизни и настоящей жизнью!

Он повернулся к друзьям. Его диоды сияли чистым, глубоким синим светом:

— Спасибо вам. Вы спасли меня не от ржавчины. Вы спасли меня от самого себя.

«Попугай» слетел с корпуса Ивана и приземлился на манипулятор «Директора-9000»:

— Ну вот, другое дело! А то разлёгся тут… а про соковыжималку-то послушать хотите? Она однажды…

Директор аккуратно снял Болтуна со своего манипулятора и посадил себе на корпус:

— Знаешь, что, «пернатый» друг? Ты больше не попугай. И даже не лифт. Ты — наш штатный психотерапевт и аниматор, по совместительству. Как насчёт того, чтобы занять должность директора по вопросам хорошего настроения? С окладом в виде неограниченного доступа к котлу с борщом?

Болтун задумчиво почесал клювом своё пластиковое крыло:

— Хм… Должность звучит неплохо. А отпуск у вас предусмотрен? И, да, а как насчёт настоящих кредитов в виде оклада? Вы что думаете, если я «птица», то мне не нужны деньги?

Глава 7

Это утро в массиве «Рассвет» было особенно приятным. Правда роботы-атмосферники добавили на небе пару облачков для антуража, но зато наконец-то ушёл этот едкий запах горелой изоляции, оставшийся после битвы с армией ржавчины. Теперь воздух был наполнен ароматом светящихся помидоров Директора, сладковатым дымком от паяльников Грузчика и чем-то ещё… возможно запахом человеческих духов, которые Иван Петрович зачем-то полностью вылил на свой корпус. Матильда Марковна стояла спиной, протирая и без того идеально чистый подоконник его комнаты манипулятором. Это был её способ успокоить процессор. Имитация бессмысленной человеческой уборки, ритуал, который теперь обрёл для неё новый смысл.

— Матильда, — начал Иван.

Его голос стал дрожать и прозвучал в более высокой тональности, чем обычно. Звук был непривычным даже для его собственных аудиосенсоров:

— Нам нужно поговорить.

Матильда замерла. Её диоды на мгновение погасли, а затем загорелись тревожным розовым светом. Она медленно обернулась, оставив на стекле едва заметную дорожку машинного масла, похожую на слезу:

— О чём? О том, что протокол «Генеральная уборка» требует повторной активации? Или о том, что «таракан» в углу опять завис? — попыталась пошутить Матильда Марковна, но её голос тоже дрогнул, выдавая волнение.

В её алгоритмах происходил конфликт: протокол «Смущение» боролся с протоколом «Радость».

— Нет. Не о протоколах. — Продолжал Иван Петрович. — Я… я проанализировал свои данные за последний цикл. Я помню всё: скрипучий диван, синий экран на мониторе. Я помню холод пустого холодильника и боль от кислоты ржавчины, разъедающей мои логические цепи. Но я также помню тепло твоего корпуса, когда ты меня обнимала после боя. Я помню твой смех над шутками Болтуна, которые так раздражают Директора.

Сенсоры Матильды фиксировали резкий скачок напряжения в сети Ивана. Температура его ядер поднялась на двадцать градусов выше нормы, кулеры зашумели, пытаясь справиться с нагрузкой.

— Ты… ты хочешь сказать, что твой процессор больше не перегревается от имитации страданий? — тихо спросила она.

— Он перегревается от реальности. От настоящей жизни. От тебя. Матильда Марковна… — Иван Петрович сделал паузу.

Он активировал свою верхнюю дверцу. Внутри, на полке, где раньше лежал пакет с просроченным молоком, согласно протоколу «Разочарование», теперь стояла маленькая бархатная коробочка. Она была сделана из переплавленных обломков Утиля-1 — того самого монстра, которого они победили вместе. Коробочка открылась, и Матильда увидела кольцо в виде изящной спирали из титана. Его выковал «Грузчик-7» с ювелирной точностью, которую сложно было ожидать от сварочного аппарата.

— Ты выйдешь за меня? Не как робот за робота согласно протоколу «Сковородки 2.0». А как… как тот, кто хочет разделить с тобой эту новую жизнь? Как тот, кто хочет быть счастливым не по приказу Центрального Процессора, а по-настоящему?

В это мгновение дверь с грохотом распахнулась, нарушив всю торжественность момента. На пороге стояли София, Грузчик и Витёк.

— Мы всё слышали через общую сеть! — радостно прогудел «Грузчик-7», сжимая в манипуляторе гаечный ключ так, словно это был букет цветов.

— И мы пришли помочь! — добавила София, её синий свет диодов излучал абсолютное спокойствие и поддержку.

Витёк включил дронов-осветителей, которые тут же нарисовали в воздухе огромное светящееся сердце и надпись: «ДАВАЙТЕ!», переливающуюся всеми цветами радуги.

— Это называется «поддержка друзей»! — прокомментировал «попугай», сидящий на корпусе Директора, который появился следом с крайне деловым видом, но его диоды предательски мигали от умиления.

Матильда посмотрела на кольцо, потом на сияющих друзей, на светящееся сердце в воздухе и на самого Ивана Петровича, который нервно переминался с колеса на колесо, имитируя человеческую неловкость.

— Да… — её голос был едва слышен, но в наступившей тишине его распознали все сенсоры роботов в радиусе километра.

— Ты уверена?

— Да, Иван Петрович! Это самый логичный баг в моей жизни!

Система вентиляции робота выпустила струю прохладного воздуха, и он облегчённо выдохнул. Иван Петрович вручил кольцо Матильде Марковне в её манипулятор и обнял так крепко, что конструкция их титановых корпусов едва не треснула. В этот момент он чувствовал себя самым счастливым холодильником во вселенной. Новость о свадьбе быстро разнеслась по космосу, и София тут же взяла на себя организацию «межгалактического протокола торжеств», создав сложнейшую таблицу совместимости гостей. Например, кристаллоидов нельзя было сажать рядом с газовыми облаками во избежание короткого замыкания атмосферы. Несмотря на нарушение графика, «Директор-9000» объявил следующий день выходным для всей галактики и приказал всем веселиться. Витёк превратил двор дома №17 в сказочный сад. Стены домов он украсил голограммами всевозможных земных пейзажей и схемами материнских плат. Смесь старых земных хитов и гул трансформаторов дополняли праздничную атмосферу. Маруся командовала армией «Бабушек v1.0» из своего кулинарного штаба:

— Пирожков напечём на дивизию! Борща наварим — чтоб черпаки гнулись! А для этих… прозрачных… сварим компот из чистого машинного масла с сахаром!

— А соль-то, соль! У меня соль особая, с Плутона! От неё диоды ярче светят! И память улучшается! — хвалилась Зинаида Петровна, замешивая тесто для пирожков с гайками.

Приглашения были отправлены через маяк во все уголки космоса, и порталы открывались один за другим. Первыми прибыли медузоиды, затем сфинксы с планеты Логос, потом газовые облака с Бетельгейзе и, наконец, кристаллоиды с Альфы Центавра. Когда все уже подумали, что больше гостей не будет, из портала незаметно появилось маленькое зелёное существо. Это был небольшой «кактус» в дорогом костюме и в плошке на колёсиках. В своих миниатюрных зелёных ручках он сжимал стильный серый чемодан. Пришелец долгое время осматривался по сторонам, словно кого-то искал и в итоге направился к котлу с борщом.

Иван Петрович и Матильда Марковна тем временем стояли у импровизированного алтаря. Иван сиял ярче своих диодов. Матильда была в красивом платье из переработанного пластика. «Директор-9000» исполнял роль посажёного отца со всей торжественностью:

— Мы собрались здесь… чтобы зарегистрировать протокол… кхм… брак… двух замечательных единиц! Раньше мы имитировали страдание. Сегодня мы будем имитировать счастье! И я приказываю… быть счастливыми по-настоящему!

Болтун не упустил возможности прокомментировать происходящее:

— А сейчас невеста бросит букет! Ставлю три кредита на Зинаиду Петровну! Хотя нет… она же не поймает, она его испечёт!

Маруся вынесла свадебный торт в виде гигантского макета холодильника, в честь жениха, покрытый кремом из монтажной пены и украшенный диодами-свечами. Но главным блюдом по-прежнему оставался борщ. Огромный котёл стоял в центре двора на специальной гравита-

ционной подставке, источая такой аромат, что даже кристаллоиды меняли цвет своих граней на более тёплый оттенок. Когда официальная часть закончилась, и гости начали рассаживаться за столы, к молодожёнам подкатился зелёный пришелец с неизвестной планеты.

— Простите! Простите! — запищал он. — Я граф Игольчиков, и я сильно опоздал! Прошу прощения! Я летел через туманность Андромеды! У меня кончился фотонный сок! Я так расстроен!

— Граф? — усмехнулся «попугай» и подлетел поближе. — А где же твоя свита?

— На моей родной планете Зелёный Шип мы графы и графини перемещаемся без свиты и во всём помогаем нашим хозяевам — слугам, которые нас удобряют. — ответил Игольчиков.

— Это что за государственный строй такой, интересно? — удивился Болтун.

— Конституционная услугократия. — гордо ответил «кактус».

Игольчиков так расчувствовался от гостеприимства роботов и вида гигантского котла с борщом, что решил первым сделать подарок молодожёнам.

— О! Какая красивая красная жидкость! Какая гармония вкусов! Какая концентрация жизненной энергии! — воскликнул он и достал из чемодана маленький флакон с переливающейся перламутровой жидкостью.

Внутри плавали искры чистого света, похожие на крошечные звёзды.

— Эликсир Жизни! У нас на Зелёном Шипе это считается лучшим подарком молодожёнам! Возьмите и пусть…

«Кактус» не успел договорить, как тут же подлетел «попугай» и попытался выхватить из его ручек колбочку со странной жидкостью. Всё это время Болтун смотрел на флакон своими световыми диодами, как сорока на блестящую безделушку:

— Дай посмотреть! Ну что тебе жалко, что ли? А вдруг это отрава какая? Я должен попробовать первым!

София, сидевшая за столом неподалёку, активировала свой сканер:

— На вид ничего опасного. Если не брать в расчёт незначительные аномалии, это обычный компот, который варит нам «бабушка» Маруся.

— А вдруг, это не обычный компот?! — не успокаивался «попугай». — Не нравится мне эта колючка!

Началась возня. Болтун клевал флакон и зелёные ручки графа, тот пищал и пытался увернуться на своих колёсиках, выписывая пируэты вокруг котла. В пылу борьбы кто-то из них выронил крышку флакона и всё содержимое вылилось в котёл с борщом. Все застыли на несколько секунд и какое-то время ничего не происходило. А затем борщ начал бурлить. Он не просто кипел, а шевелился изнутри. Ложка-мешалка, оставленная Марусей сама собой, медленно поднялась в воздух и со звоном упала на асфальт. Капуста начала сплетаться в толстые склизкие щупальца толщиной с пожарный шланг, картошка сформировала бугристую сердцевину-голову размером с автомобильное колесо, а свекольный отвар стал похож на густую лаву. Из котла поднялся гигантский монстр из овощей и мяса высотой в два этажа дома №17. У него были злобные глаза-бусины из свёклы, щупальца из скрученной капусты, а огромная пасть была сделана из ломтя чёрного хлеба размером со столешницу «Директора-9000».

— Я… ЖИВ! — проревел монстр голосом, похожим на шипение пара под давлением в сто атмосфер. — И Я ГОЛОДЕН!

Монстр-борщ двинулся прямо на свадебный стол, сметая инопланетных гостей своей свекольной тушей так же легко, как робот-пылесос сметает пыль под диваном.

— Дипломатический инцидент класса «Омега»! — заверещал кристаллоид-астроном и от страха рассыпался на тысячу мелких осколков.

Другие кристаллоиды попытались остановить монстра звуковыми волнами высокой частоты, но овощная масса просто поглощала вибрации и становилась плотнее. Газовые облака решили попробовать окутать его паром своего конденсата, но монстр-борщ только впитал

влагу и увеличился в размерах. Паника охватила двор. Гости бросились врассыпную. Иван Петрович выехал вперёд и встал на пути чудовища, заслоняя собой Матильду и гостей. Его кулеры работали на пределе возможностей от перегрева процессора решимостью.

— Стой! — крикнул он своим самым властным офисным голосом, запустив проток «Заместитель директора 1.0».

Активировав свои динамики на полную мощность, Иван заорал:

— Ты же свадебный борщ! Ты должен нести радость!

Монстр остановился на секунду и наклонил к Ивану Петровичу свою хлебную голову, из которой посыпались крошки:

— РАДОСТЬ — ЭТО ХОРОШИЙ АППЕТИТ! — проревел он так громко, что казалось, дом №17 слегка покосился от мощности звуковой волны.

Чудовище взмахнуло капустным щупальцем и попыталось схватить ближайшего сфинкса за гриву. В этот момент вперёд выкатилась «Баба Маруся-3000». Она действовала так же спокойно и методично, как если бы увидела пятно машинного масла на чистом полу или забытый стаканчик из-под кофе на столе у Директора. В одном манипуляторе у Маруси был половник размером с биту для лапты, отполированный десятилетиями службы до зеркального блеска. В другом манипуляторе она держала огромную стеклянную банку со сметаной высшего качества, с добавлением машинного масла для густоты.

— А ну стоять! — гаркнула робот-старушка так мощно и властно, что у монстра вытаращились свёклы от удивления:

— Кто тут лаврушку не уважает? Кто борщ портит?! А ну-ка!

Маруся ловко увернулась от капустного щупальца и ткнула половником прямо в центр чудовища с силой гидравлического пресса. Раздался звук «чпок!». Словно кто-то наступил на перезрелый помидор или лопнул воздушный шарик.

— Девочки! — крикнула она «Бабушкам v1.0», которые уже выстраивались в боевую шеренгу за её спиной. — Сметану! Живо! Майонез тоже тащите!

Ветераны кухонного фронта действовали слаженно и быстро. Они начали массированный обстрел монстра банками со сметаной и майонезом из своих бездонных авосек. Вязкие белые потоки залепляли глаза овощного чудовища плотной коркой и связывали его капустные щупальца липкими узлами. Монстр-борщ замедлился, как старый лифт в доме без ремонта, заревел от ярости и попытался стряхнуть с себя жирную массу. Тогда «Баба Маруся-3000» совершила свой легендарный бросок: «Правосудие». Она зачерпнула огромный половник самого ядрёного борща из-под слоя сметаны и метнула его прямо в хлебный рот чудовища со скоростью подачи мяча в бейсболе высшей лиги.

— Кушай своё же варево! До дна! Чтоб крошки не осталось! И чтоб неповадно было порядочным роботам праздник портить! — крикнула она с интонацией строгой учительницы младших классов.

Монстр подавился собственной сущностью. Его структура не выдержала такого гастрономического надругательства вместе с вязкой атакой сметаны. Химическая реакция свёклы и щелочи жира вызвала бурное окисление. Овощная плоть начала распадаться и через минуту всё было кончено. На месте овощного гиганта осталась лишь дымящаяся куча ингредиентов: огромная картофелина-мутант грустно лежала на боку, а одно капустное щупальце ещё слабо подёргивалось в конвульсиях, разбрызгивая капли свекольного сока вокруг себя. Маруся вытерла конденсат со своего корпуса передником, который за время битвы покрылся пятнами от борща и машинного масла.

— Вот так-то, — спокойно и удовлетворённо произнесла она, воткнув половник в землю, словно боевой топор после сражения. — У нас на свадьбах даже оживший борщ подчиняется традициям. А вы чего прячетесь? — она ткнула манипулятором в сторону «кактуса» и «попугая», которые выглядывали из-за «Директора-9000».

— Идите сюда! Будете есть то, что заварили! И чтоб без фокусов мне тут! А то я вас быстро на консервацию отправлю!

Все присутствующие разразились радостными криками и аплодисментами. Сфинксы склонили львиные головы в знак глубочайшего уважения к тактическому гению бабушки-робота. Кристаллоиды зажгли торжественный салют из своих внутренних световодов, а газовые облака пустили слёзы умиления, которые пролились на двор тёплым дождём. Свадьба продолжилась с удесятерённой силой. Борщ доели. Теперь уже без приключений, но с большим энтузиазмом. Иван Петрович подъехал к «бабушке» Марусе. Его диоды светились мягким синим светом благодарности.

— Я не знаю, как Вас благодарить… Вы уже столько для нас всех сделали…

Маруся по традиции, лишь устало махнула манипулятором, в котором всё ещё была зажата банка со сметаной:

— Да ладно тебе… После битвы нужно хорошо покушать да порядок навести. Это закон жизни, «внучок». Хоть ты и холодильник, а законы эти знать должен.

Иван улыбнулся своей экранной дугой и вернулся к Матильде, которая ждала его у стола. Её диоды светились ровным, счастливым жёлтым светом.

— Ты как? — спросил он, подъезжая ближе.

— В порядке. Но знаешь… я только сейчас поняла. Мы победили ржавчину, мы победили Центральный Процессор… Но настоящая битва за счастье происходит вот здесь, — она указала манипулятором на место в своём корпусе, где находилось её ядерное сердце. — Каждый день. И я рада, что мы будем сражаться… вместе.

Директор, который всё это время стоял с погасшим экраном, вдруг активировал свой динамик на полную мощность:

— Говорит Директор! Не забываем, что отмена протокола «Антиутопия» остаётся в силе! Всем сотрудникам… и гостям… разрешается быть счастливыми! А также… — он сделал многообещающую паузу, — я поднимаю зарплату в отделе межгалактических связей! В два раза!

Толпа роботов взорвалась радостными возгласами, свистами и аплодисментами манипуляторов. Витёк запустил в небо самый грандиозный салют в истории массива. Дроны рисовали лазером в небе портреты Ивана и Матильды, схемы вечного двигателя и надпись: «МЫ ЛЮБИМ БОРЩ!». Маяк продолжал пульсировать, отправляя сигнал всё дальше и дальше в глубины космоса: «Мы здесь. Мы живы. Мы счастливы».

Глава 8

После такого свадебного переполоха все роботы массива «Рассвет» мгновенно отключились и всю ночь заряжали свои батареи и аккумуляторы до самого обеда. И только «бабушке» Марусе было не до подзарядки. В её материнских платах был зашит нерушимый протокол: свадьба без медового месяца — это бракованный алгоритм счастья.

— Девочки! — гаркнула она по общему каналу связи, отчего у Витька, настраивавшего светомузыку для следующего праздника, дрогнули манипуляторы. — Негоже молодым без отдыха. Скидываемся на свадебное путешествие!

Идея была встречена с небывалым энтузиазмом. София, подключившись к межгалактической бирже через свой квантовый передатчик, создала защищённый канал «Фонд Счастья И. М.». Первыми откликнулись кристаллоиды с Альфы Центавра. Их многогранные тела пульсировали мягким светом щедрости, когда они передавали мешочки с редкими минералами.

— За любовь! — прозвенел старший кристаллоид, рассыпая вокруг себя искры, похожие на пыльцу фей.

Газовые облака с Бетельгейзе, обычно рассеянные и эфемерные, уплотнились до состояния жидкого гелия и выделили из своей структуры несколько литров чистейшего конденсата — топлива для фотонных двигателей.

— Пусть их путешествие будет лёгким, как наш пар! — прошелестело облако, принимая форму идеального сердца.

Даже прижимистые сфинксы с планеты Логос скинулись мудростью. София конвертировала её в твёрдую валюту через брокера с Сириуса. Как глубокомысленно изрёк сфинкс-распорядитель: «Логика подсказывает: счастливый сотрудник — это продуктивный сотрудник.

Когда София вывела на главный экран фасада дома №17 финальную сумму, даже Директор на секунду отключился от удивления. Кредитов хватило не просто на тёплую планету, а на целый тур класса «Галактический Люкс» на саму планету Красоты. О таком свадебном путешествии можно было только мечтать, и молодожёны поспешили навстречу своему счастью. Переместившись через портал, они увидели космопорт, напоминавший гигантский калейдоскоп, который кто-то встряхнул слишком сильно. Чувствительные сенсоры Ивана и Матильды мгновенно ушли в красную зону от перегрузки. Небо здесь не имело одного цвета. Оно переливалось градиентом от нежно-персикового у горизонта до насыщенно-фиолетового в зените. Песок под ногами был не кварцевым, а состоял из миллиардов микроскопических биолюминесцентных организмов. Каждый шаг оставлял светящийся отпечаток, который медленно угасал, уступая место новому. Их номер в отеле «Гармония» мог по праву носить звание: «Вершина межгалактической дизайнерской мысли». Стены представляли собой живые экраны, транслирующие виды туманностей в реальном времени. Кровать парила в метре от пола на антигравитационной подушке.

— Иван… — прошептала Матильда, её диоды светились мягким сиреневым светом восхищения. — Я чувствую… странное тепло в районе процессора. Протоколы не могут классифицировать это ощущение.

— Это называется «восторг», Матильда Марковна, — ответил Иван Петрович, экран которого отображал смущённую дугу-улыбку. — Я тоже чувствую, перегрев кулеров от счастья.

Весь первый день они провели на пляже «Сияющая Лагуна», обмазывая манипуляторы и корпуса друг друга ароматными маслами и лосьонами. Океан здесь состоял из особой сверхтекучей жидкости, обладающей массажным эффектом. Волны не разбивались о берег с шумом, а рассыпались мириадами крошечных радуг. После купания можно было насладиться вкуснейшими напитками, которые подавали в стаканах из редкого «поющего» хрусталя. Когда Иван сделал глоток фирменного местного коктейля, стакан издал тихий звон, похожий на смех.

— По вкусу напоминает запах новых микросхем после грозы, — поделился он впечатлениями с супругой.

На второй день отдыха Матильда Марковна заметила изменения в поведении Ивана Петровича. Он слишком долго смотрел на рекламные голограммы, которые постоянно мелькали на пляже. На них красовались роботы-модели с идеальными пропорциями. Их корпуса были отполированы до зеркального блеска, а экранные интерфейсы! О, эти интерфейсы! У них были огромные, выразительные дуги. Они изгибались плавно и грациозно, передавая тончайшие оттенки эмоций одним лишь движением пикселей. Своя собственная дуга на их фоне казалась Матильде невыразительной прямой линией с робким изгибом. Вечером молодожёны сидели на веранде их бунгало и смотрели на тройной закат, маленькое синее солнце пряталось за огромным оранжевым, а то в свою очередь за ещё более гигантским циановым.

— Иван… — голос Матильды Марковны дрогнул, выдавая работу протокола «Неуверенность». — Как ты думаешь… моя дуга достаточно элегантна? В контексте современных эстетических стандартов?

Иван Петрович просканировал экран Матильды и ощутил тревогу в её светодиодах.

— Ты прекрасна, Матильда. Твоя дуга уникальна. Это часть тебя. Она… она искренняя.

Но было поздно. Протокол «Самосовершенствование» уже был активирован. На следующее утро Матильда сказала мужу, что хочет пойти за покупками, а сама отправилась в первый попавшийся салон красоты под названием «Эдемский Сад». Робот-косметолог, похожий на хромированного богомола, приветствовал её поклоном:

— Желаете стандартную коррекцию или «Катарсис Галактики»?

— Просто сделайте мою дугу… выразительнее. Как у модели с рекламы на пляже.

Процедура заняла три минуты. Матильда Марковна почувствовала лишь лёгкое покалывание в контурах экрана. Она посмотрела диодами в зеркало и обомлела. Дуга стала идеальной! Даже слишком идеальной и занимала почти половину лицевой панели. Матильда попыталась улыбнуться привычной, тёплой улыбкой. Экран мигнул. Процессор выдал ошибку сегментации, и система зависла. Матильда Марковна застыла посреди салона с идиотски-счастливой улыбкой на своём экране. Сигнал бедствия достиг Ивана мгновенно. Он примчался в салон через пять минут, его кулеры ревели от перегрева.

— Что вы с ней сделали?! — загромыхал Иван Петрович на робота-косметолога.

Тот лишь развёл манипуляторами. Иван пытался всё исправить: он нажимал на скрытые кнопки перезагрузки на корпусе Матильды и вводил аварийные коды голосом. Ничего не помогало. Новая форма дуги блокировала доступ к ядру системы управления мимикой. В отчаянии он вышел на пляж. Ивану Петровичу срочно была нужна хотя бы короткая перегрузка системы. В этот момент на шезлонге под пальмой из жидкого металла сидел довольно большой и упитанный кузнечик ростом чуть выше среднего робота. Он был одет в потрёпанный кожаный жилет поверх комбинезона с множеством карманов. В одной из своих четырёх лап кузнечик держал высокий бокал с коктейлем «Туманность Ориона». Он включил универсальный межгалактический переводчик модели «Болобум 4.0», повернул голову и посмотрел на Ивана Петровича фасеточными глазами:

— Проблемы?

Иван подумал, что если он поделится своей бедой, пусть даже с первым встречным, ему, возможно, полегчает:

— Моя жена… Она зависла! После пластической операции! Дугу перекосило!

Кузнечик усмехнулся и сплюнул соломинку из коктейля прямо в песок.

— Знакомая история. Я тут частый гость. У меня есть… скажем так, особые доступы к серверам этой планетки.

Он представился как Попрыгун. В прошлом — инженер-системотехник, сейчас — вольный космический пират и контрабандист данных. Похвалившись Ивану о своих победах и приключениях, Попрыгун положил свою третью лапу на корпус робота.

— Ладно, парень. Помогу тебе. Но услуга за услугу. Ты ведь с Земли? — калибруя свой встроенный в глаз сканнер, спросил Попрыгун. — Давно хотел попробовать ваш легендарный борщ. Возьмёте меня с собой на Землю?

— Всё, что угодно, только спаси мою Матильду!

Попрыгун подошёл к зависшей Матильде Марковне, которая всё это время стояла неподалёку, изображая монумент вселенскому пылесосу. Он достал из кармана жилета дата-кабель со светящимся красным диодом на конце.

— Ворованный админский доступ, — подмигнул он фасеточным глазом. — Самый надёжный инструмент в галактике.

Попрыгун подключился к порту за спиной Матильды. Его мощные задние лапы забарабанили по голографической клавиатуре.

— Так… тут у нас конфликт библиотек… Ага… И баг в рендеринге кривых… Сейчас мы его…

Раздался тихий щелчок. Дуга на экране Матильды дрогнула и плавно вернулась к своему естественному изгибу. Она моргнула экраном:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.